

НАГОРНАЯ Александра Викторовна

**ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНТЕРОЦЕПТИВНЫХ
ОЩУЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук

Москва 2015

Работа выполнена в секторе германских языков Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт языкознания РАН.

Научный консультант: **Никуличева Дина Борисовна,**
доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора германских языков Института языкознания РАН

Официальные оппоненты: **Сергеева Юлия Михайловна,**
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры грамматики английского языка ФГБОУ ФПО «Московский педагогический государственный университет»

Нестерова Наталья Михайловна,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета

Шапошникова Ирина Владимировна,
доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ФГБУН Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Ведущая организация: ГОУ ВПО «**Московский государственный областной университет**»

Защита диссертации состоится 2 июня 2015 г. в 13.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 002.006.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН по адресу: г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института языкознания РАН <http://iling-ran.ru>

Автореферат разослан _____ 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, к. филол. н.

Карпов В.И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование представляет собой опыт системного описания способов вербализации **интероцептивных** (внутрителесных) **ощущений** в современном английском языке.

В отличие от экстероцептивных ощущений, язык которых активно и планомерно изучается лингвистами на протяжении последнего десятилетия (В.К. Харченко, Л. В. Лаенко, А.И. Костяев, Л.А. Шалимова и другие), интероцептивные ощущения продолжают оставаться «теоретически невидимыми» (А.Ш. Тхостов), образуя исследовательскую лакуну в языкознании в целом и в германистике в частности.

В современных гуманитарных науках под интероцептивными ощущениями принято понимать совокупность сигналов, поступающих из внутренней среды организма и характеризующих состояние органов и частей внутреннего тела [Craig 2003; Siegel 2010; Поляков 2007].

Оценка этого состояния осуществляется в определенной системе смысловых координат, которые человек вырабатывает в процессе приобретения разнообразного телесного опыта. Несмотря на то, что этот опыт сугубо индивидуален и физиологически обусловлен, процесс его формирования опосредуется и направляется той социокультурной средой, которой принадлежит человек. Эта среда регулирует объем подлежащего оценке телесного опыта, а также предлагает определенный набор объяснительных схем и интерпретативных моделей, которые были выработаны в ходе ее исторического развития, активно популяризируются через бытующие в ней дискурсивные практики и подсознательно усваиваются человеком наряду с другими видами знания.

Англоязычную культуру следует признать одной из наиболее перспективных в плане лингвистического изучения интероцептивных ощущений. Ее привилегированный статус объясняется в первую очередь тем, что она характеризуется высокой степенью «соматичности». Это свойство проявляется в значительном внимании к человеческому телу, возможности и приемлемости обсуждения различных сторон и аспектов его существования и наличии широкого репертуара языковых средств, обеспечивающих такую возможность.

Особенно важным в контексте нашего исследования представляется то обстоятельство, что англоязычная культура формирует у своего носителя готовность к подробному, детальному знакомству с *внутренним* телом. На языковом уровне это проявляется в том, что в бытовые коммуникативные практики активно выводятся единицы, которые в других языках принадлежат исключительно медицинскому дискурсу. Показателен в этом отношении

корпус фразеологизмов, в составе которых используются такие сугубо «анатомические» для русского языка единицы, как «селезенка», «прямая кишка», «легкие»: *to vent one's spleen* (выразить сильное недовольство, букв. «излить селезенку»), *to get one's bowels in an uproar* (перевозбудиться, букв. «устроить беспорядки в своей прямой кишке»), *to speak / shout at the top of one's lungs* (кричать что есть сил, букв. «кричать на вершине своих лёгких»).

Англоязычная культура предоставляет своим носителям возможность подробно, эксплицитно обсуждать разнообразные *события*, происходящие во внутрителесной среде. Многие из предлагаемых вербальных решений ограничены исключительно рамками этой культуры и оказываются неприемлемыми за ее пределами. Так, для английского языка характерно использование широкого спектра глагольной лексики с общей семантикой движения, в составе которой выделяются, в том числе, следующие группы: глаголы с общим значением «бежать» – *run, race, gallop* (*My heart is suddenly galloping with nerves* (S.Kinsella); *Jason's heart was still racing* (R. Cook)); глаголы с семантикой вращательного движения – *turn, roll, flip, spin, swirl* (*My heart flipped in my chest* (J. Evanovich); *My stomach swirled like a whirlpool* (T. Parish)); глаголы, обозначающие движение, осуществляемое с нарушением кинетической нормы, – *stumble, skitter, jerk* (*Tyra's heart stumbled* (P. Anderson); *Stewart's heart jerked in his chest* (J.A. Williams)); глаголы, обозначающие перемещение в водной среде – *float, sink* (*My heart sinks* (S. Kinsella); *All my guts are floating around inside me* (S. King)). Значительная их часть, даже при наличии четких межъязыковых соответствий, оказывается не востребованной при вербализации аналогичного interoцептивного ощущения в других лингвокультурах, в частности, русскоязычной (ср. англ. *My heart sank* и рус. **Мое сердце утонуло*; англ. *My heart was running* и рус. **Мое сердце бежало*; англ. *My stomach was swirling* и рус. **Мой желудок кружился*).

Обращает на себя внимание и специфика используемых в английском языке синтаксических структур. Обладая преимущественно агентивной ориентацией, английский язык позволяет описывать значительную часть interoцептивных состояний и ощущений как события, центр активности которых располагается в самом внутреннем органе: *Her stomach twisted and rolled* (D. Koontz). В пациентивно ориентированном русском языке в сходных ситуациях предпочтение отдается безличным конструкциям: *У меня желудок скрутило / Мне желудок скрутило*.

Кроме того, морфологические особенности английского языка позволяют образовывать от большинства глаголов, используемых в дискурсе interoцепции, девербативы, служащие компактным средством вербализации

ощущения (ср.: *It felt as if someone had stabbed me in the stomach – I felt **a stab** in my stomach (конверсия); My heart was nagging – There was a little **nagger** in my heart (суффиксация)). В русском языке словообразовательные возможности глаголов реализуются гораздо менее системно, и во многих случаях коррелятивные пары глагол – существительное отсутствуют (ср.: *my heart sank > the sinking of my heart; сердце опустилось > ?*).*

Такие лексические, морфологические и синтаксические особенности неизбежно обнаруживаются в каждом языке и выявляются при его сопоставлении с другими, причем эти различия тем более заметны, чем дальше отстоят друг от друга культуры носителей этих языков. Данное обстоятельство определяет порядок лингвистического исследования интероцептивных феноменов: тщательный системный анализ способов вербализации интероцептивных феноменов в одном конкретном языке (в данном случае – английском) закономерно должен предшествовать построению общей лингвистической теории интероцепции, что является конечной целью нашего диссертационного исследования.

Отметим, что в настоящее время именно в рамках англоязычной культуры сформировался особо благоприятный интеллектуальный климат для лингвистического исследования интероцептивных феноменов. На протяжении последних трех десятилетий отмечается устойчивая тенденция к увеличению «удельного веса» телесной проблематики в ее глобальном дискурсивном пространстве. Такое повышенное внимание к телу объясняется действием множества факторов, в числе которых: 1) активно насаждаемый интерес к проблемам здоровья человека и связанная с ним необходимость популяризации научного медицинского знания, пропаганды здорового образа жизни и продвижения ультрасовременных медицинских технологий (трансплантации, например), что предполагает широкое публичное обсуждение анатомических и физиологических особенностей внутреннего тела; 2) развитие феминистских и квир-дискурсов (дискурсов сексуальных меньшинств) [Horner & Keane 2000; Giffney & O'Rourke 2007], в рамках которых тело является одним из центральных, ключевых компонентов; 3) популяризация телесно-ориентированной терапии (В. Райх, А. Лоуэн), основанной на идее гармонии человека с собственным телом, в том числе и внутренним, и предполагающей вывод телесных процессов в светлое поле сознания и их «проговаривание».

В рамках современной англоязычной лингвокультуры активно развиваются специфические «физиологические литературные жанры» [Badley 1996]: хоррор, работающий с темой разъятия, мутации и противоестественного использования тела, и автопатография,

представляющая собой опыт описания пережитых заболеваний (R. Kushner, G. Radner, Ch. Middlebrook, K.R. Rich, J. Nielsen, J. Cole, etc.).

Все более заметным становится присутствие тела, в особенности внутреннего, в визуальном пространстве современного носителя английского языка: телевизионной рекламе медицинского характера, живописных и кинематографических произведениях (M. Parliament, H. Taillefer, J. M. Jenkins, D. Quirk, S. Spielberg), специализированных выставках и инсталляциях (Body Worlds, Bodies: the Exhibition, Migraine Art).

Одновременно с этим стремительно увеличивается количество научных публикаций, посвященных различным аспектам человеческой телесности: социокультурным факторам ее формирования и развития [Coupland & Gwyn 2003; Kimmel 2008; Lambert & McDonald 2009], феноменологии человеческого тела [Leder 1990; Twigg 2006], динамическим аспектам телесности [Sheets-Johnstone 2013], семиотическому потенциалу тела [Vlahos 1979], роли телесных динамик в познании мира [Johnson 1987; Lakoff & Johnson 1999; Shapiro 2011] и многим другим проблемам.

Примечательно, что одним из наиболее актуальных направлений в рамках общего исследования телесности провозглашается системное изучение ощущений. Издаются научные журналы *Perception* и *The Senses and Society*, в которых представлены статьи, содержащие анализ различных экстероцептивных ощущений (зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных и вкусовых). Появляются монографические работы, посвященные исследованию отдельных видов ощущений в психологической и социокультурной перспективе [Wade & Swanston 2001; Sterne 2003; Classen 2012]. Активно осуществляется поиск новых направлений исследования, выходящих за пределы описания пяти общеизвестных органов чувств. Изучается такой специфический вид ощущений, как боль [Scarry 1985; Jackson 2003; Biro 2010; Bourke 2014]. Эксплицитно формулируется задача «описания сенсориума в разных языках» [Majid & Levinson 2011].

Учитывая изложенные обстоятельства, обращение к теме интероцепции и попытка создания ее системной лингвистической модели на материале английского языка представляются уместными и своевременными, а наличие обширного корпуса исследований позволяет основательно фундировать это исследование, вписав его как в научный, так и в общекультурный контекст. Подчеркнем, что именно лингвистика способна внести наибольший вклад в изучение этого вида ощущений, которые И.М. Сеченов весьма афористично называл «темными» [Сеченов 1952, с. 77]. В отличие от экстероцептивного опыта, интероцептивный принадлежит исключительно субъективной сфере человека, не регистрируется приборами,

не поддается объективной качественной и количественной оценке и не предоставляет никакого доступа к своему содержанию, кроме словесной репрезентации. Другими словами, интероцептивное ощущение обретает свойство реальности лишь в слове, а работа со словом требует соответствующей дисциплинарной компетентности и знания современных интерпретативных процедур, что неизбежно выводит интероцепцию в проблемное поле лингвистики и позволяет ей внести вклад в исследование феномена, активно изучаемого, но весьма неоднозначно и противоречиво трактуемого в современных гуманитарных науках.

Работа со словом, однако, не должна ограничиваться описанием явлений, непосредственно наблюдаемых в речевой практике. Необходима реконструкция тех ментальных процессов, которые связаны с осмыслением интероцептивных ощущений и их выводом в речь. Именно в этом случае мы сможем увидеть систему за внешне разрозненными языковыми фактами, доказать наличие единого дискурсивного пространства интероцепции и разработать общие принципы изучения интероцепции, применимые к анализу разных языков.

Актуальность настоящего исследования определяется

- необходимостью комплексного изучения субъективного мира человека в рамках современной антропоцентрической парадигмы науки и создания такой лингвистической модели субъективной реальности, которая учитывала бы как собственно языковые, так и социокультурные факты и факторы;

- отсутствием системного описания феномена интероцепции как в отечественном, так и в мировом языкознании, необходимостью выработки подходов к лингвистическому исследованию этого феномена, учитывающих данные других гуманитарных наук;

- важностью системного исследования ранее не описанного фрагмента языковой действительности, составляющего важную часть англоязычной лингвокультуры;

- необходимостью дальнейшего развития наметившегося в лингвистике направления «лингвосенсорика» [Majid & Levinson 2011; Харченко 2012] и систематического описания способов осмысления и вербализации перцептивных процессов в рамках определенной лингвокультуры.

Новизна исследования заключается в том, что на материале современного английского языка создана лингвистическая модель ранее не описанного вида перцептивных феноменов. Лингвистический анализ интероцептивных ощущений проводится с учетом актуальных тенденций в

развитии философии, психологии, нейрологии, культурологии и социологии, благодаря чему исследование системно вписывается в современный научный контекст. Способы вербализации интероцептивных ощущений в современном английском языке изучаются не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне, чем обеспечивается системность в описании данного фрагмента языковой действительности. Рассматривается возможность репрезентации ощущений в других дискурсивных форматах (прежде всего, в зрительных образах – живописи, скульптуре и т.д.), что позволяет говорить о существовании единого дискурсивного пространства интероцепции в современной англоязычной лингвокультуре.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней

– впервые осуществлена системная разработка проблемы интероцепции в лингвистике вообще и в англистике в частности и предложены подходы к ее изучению;

– раскрыт эвристический потенциал теории воплощенного значения (embodied meaning theory) для лингвистического исследования перцептивных феноменов и продемонстрированы ее возможности для создания системной лингвистической модели интероцепции как в рамках определенной лингвокультуры;

– разработаны общие принципы лингвистического анализа интероцепции, которые могут быть применены к исследованию других лингвокультур;

– описаны концептуальные структуры, в которых фиксируются результаты интероцептивного опыта, и доказана культурно-историческая обусловленность когнитивного пространства интероцепции (как в части его содержательного наполнения, так и в части его структуры); обоснована необходимость дифференцированного подхода к исследованию интероцепции с учетом особенностей той культуры, которой принадлежит экспериенсер;

– доказана необходимость комплексного изучения фрагмента языковой действительности, предполагающего анализ языковых средств не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне; определена семантическая нагрузка модальной рамки высказывания при вербализации интероцептивных ощущений в современном английском языке;

– доказана несостоятельность распространенного мнения о неограниченной свободе индивида в выборе средств выражения его субъективного интероцептивного опыта, продемонстрирована регулярность используемых метафорических моделей и системность в варьировании их лексических репрезентантов.

– упорядочена терминология, используемая в телесно-ориентированных исследованиях, и выработаны рекомендации по ее применению в лингвистике;

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в научной и педагогической деятельности. Теоретический материал исследования может найти применение при разработке курсов когнитивной семантики и когнитивного синтаксиса, лингвосенсорики, а также этнолингвистики и лингвокультурологии. Практический языковой материал может использоваться в курсах по разговорной речи и в практике перевода.

Объектом настоящего исследования является совокупность языковых средств, используемых в современном английском языке для вербализации интероцептивных ощущений, а также репрезентируемые этими языковыми средствами концептуальные структуры, в которых фиксируются результаты интероцептивного опыта в рамках англоязычной лингвокультуры.

Предметом исследования являются системные связи между языковыми средствами и концептуальными структурами, а также динамические процессы, имеющие место при осмыслении и вербализации интероцептивного опыта.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что результаты интероцептивного опыта фиксируются в некотором обозримом числе содержательно определенных когнитивных структур, которые в совокупности составляют концептуарий определенной лингвокультуры и направляют лингвокогнитивное творчество своих носителей в строго определенное русло, ограничивая свободу в выборе средств выражения интероцептивных ощущений.

Цель исследования заключается в максимально полном описании средств языкового выражения интероцептивного ощущения в современном английском языке и выявлении общих принципов осмысления интероцептивных процессов.

Данная цель предполагает решение следующих конкретных **задач**:

1. Выработать подходы к лингвистическому изучению интероцепции, определить методологические принципы лингвистического исследования, позволяющие учитывать лингвокультурную специфику рассматриваемого явления.
2. Изучить традиции исследования телесных феноменов в смежных гуманитарных науках, уточнить содержание терминов, используемых в

телесно-ориентированных исследованиях, определить степень их применимости к лингвистическому описанию телесности.

3. Выявить феноменологические свойства interoцептивных ощущений, релевантные в лингвокогнитивной перспективе, и определить, в какой степени и каким образом они влияют на осмысление и вербализацию interoцептивных процессов в рамках современной англоязычной лингвокультуры.

4. На основе анализа языковых фактов выявить и описать концептуальные структуры, в которых фиксируются результаты interoцептивного опыта в рамках англоязычной лингвокультуры, изучить принципы взаимодействия этих структур.

5. Обосновать роль метафоры как механизма формирования когнитивного пространства interoцепции; определить функции метафоры; выявить основные экспериенциальные домены, служащие источником метафорической проекции на область interoцепции, произвести структурирование этих доменов; выявить лингвокультурную специфику метафоризации interoцептивных ощущений в английском языке.

6. Выявить роль синтаксиса в вербализации interoцептивных ощущений; определить функциональную нагрузку синтаксических структур, используемых в акте вербализации; описать синтаксические структуры, используемые при вербализации interoцептивных ощущений в современном английском языке.

7. Выявить и описать основные тенденции в развитии языковых средств репрезентации interoцептивных ощущений в современном английском языке; проанализировать принципы организации interoцептивного идиолекта, выявить общее и индивидуальное в идиолектах отдельных англоязычных авторов.

Материалом исследования послужили современные англоязычные литературные источники. Возможность опоры на литературные произведения при исследовании телесных феноменов была убедительно обоснована в работах В.А. Подороги, А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтания. В. А. Подорога называет литературу «документом телесного опыта». А.Ж. Греймас и Ж. Фонтаний, описывая «мир страстей», предлагают видеть за отдельными индивидуальными, изолированными речевыми операциями проявление тех возможностей, которые заложены в языке. Работа с письменным текстом позволяет получить разнообразный, лексически богатый материал и отследить вариативность в использовании средств выражения interoцептивного опыта, как в глобальном тексте одного писателя на протяжении длительных периодов его творчества, так и в

работах разных авторов, что важно для оценки динамических характеристик языка интероцепции. Используемые нами источники датируются последней третью XX – началом XXI века и включают произведения таких авторов, как С. Кинг, Д. Кунц, С. Кинселла, Р. Кук, Р. Дал и других. При выборе источников мы сознательно отдавали предпочтение так называемой литературе низких жанров, полагая, что она в бóльшей степени отражает сложившиеся практики коммуникации интероцептивного опыта, и используемые в ней средства выражения не только заведомо понятны значительной части лингвокультурного сообщества, но и входят в его речевой репертуар. Заметим, что существенных различий между британским и американским вариантами английского языка при вербализации интероцептивных ощущений выявлено не было, в связи с чем при анализе материала принадлежность высказывания региональному варианту не указывается.

В работе используется комплексная **система методов**, включающая элементы описательно-аналитического метода, метода моделирования и контекстуального анализа. Последовательно применяется принцип “*real-world approach*”, сформулированный членами исследовательской группы PRAGGLEJAZ (Peter Crisp, Ray Gibbs, Alan Cienki, Graham Low, Gerard Steen, Lynne Cameron, Elena Semino, Joe Grady, Alice Deignan, Zoltán Kövecses) и заключающийся в анализе исключительно фактов реальной речевой практики и отказе от конструирования искусственных фраз, основанных на словарных дефинициях слов. При составлении корпуса примеров использовался метод ручной выборки, общий объем которой превысил **50000** страниц текста. Мы исходили из того, что субъективный интероцептивный опыт может выводиться в речь с использованием необычных, нестандартных языковых средств, без указания на орган или часть внутреннего тела, и невозможность точного прогнозирования способов вербализации делает малоэффективным и непоказательным использование исключительно корпусных данных. Отбраковка материала как нарушающего языковые и речевые нормы не производилась, и при анализе учитывались все собранные примеры. Для проверки степени представленности того или иного способа концептуализации интероцептивного ощущения в дискурсивной практике привлекались данные корпусов COCA (Corpus of Contemporary American English) и отчасти BNC (British National Corpus), с помощью которых выявлялась частотность того или иного словоупотребления или синтаксической конструкции. Общее количество проанализированных примеров составило около **7500 единиц**, из которых 5000 единиц были получены методом ручной выборки и 2500 единиц набраны из корпусов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Эффективное лингвистическое исследование интероцептивных процессов может осуществляться лишь в широком междисциплинарном контексте. Учет данных, накопленных в смежных науках, необходим для обеспечения принципов системности, непротиворечивости, верифицируемости, преемственности и качественного приращения знания.
2. Наиболее эффективным методологическим инструментом, позволяющим осуществлять лингвистическое исследование интероцепции, является теория воплощенного значения (*embodied meaning theory*) (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Гиббс, А. Кларк и другие). Последовательное применение ее постулатов позволяет связать воедино разрозненные языковые факты и доказать наличие специального развитого репертуара языковых средств в рамках определенной лингвокультуры.
3. Интероцепция является видом познавательной деятельности, специфика которого определяется феноменологическими свойствами интероцептивных ощущений, с одной стороны, и особенностями человеческого сознания, с другой стороны.
4. Интероцептивное ощущение является «культурной производной» (Д. Моррис). Процесс осмысления и вербализации интероцептивных ощущений опосредуется и направляется культурной средой, которой принадлежит экспериенсер.
5. Совокупность представлений об интероцептивных процессах формирует ***когнитивное пространство интероцепции*** – иерархически организованную концептуальную структуру, включающую в себя конститuenty различных типов. Конфигурация когнитивного пространства интероцепции и содержательное наполнение формирующих его структур культурно специфичны. Совокупный интероцептивный опыт лингвокультурного сообщества консолидируется в коллективном когнитивном пространстве интероцепции, которое выступает хранилищем общих знаний о принципах устройства и функционирования внутреннего тела. Эти знания в той или иной форме усваиваются носителями определенной лингвокультуры и предопределяют спектр возможных интерпретаций внутрителесных процессов. Бытующие представления о неограниченной свободе индивида в выборе средств выражения интероцептивного ощущения не соответствуют действительности.
6. Основным концептуальным механизмом, участвующим в формировании когнитивного пространства интероцепции, является метафора. В рамках англоязычной лингвокультуры основными доменами, служащими источником метафорической проекции на область интероцептивных

ощущений, являются: «орудия», «живые существа», «природные явления» и «движение». Отдельную группу составляют собственно телесные ощущения, которые считаются в англоязычной культуре «эталонными» и используются для качественной и количественной оценки других ощущений (зубная боль, зуд и др.).

7. Метафорическая проекция может задействовать несколько различных доменов, что приводит к образованию смешанной метафоры. Популярность смешанной метафоры как средства вербализации интероцептивного опыта объясняется субъективным характером переживания ощущения и принципиальной возможностью его альтернативных трактовок, а также способностью метафоры данного типа передавать динамические свойства ощущения на протяжении одного перцептивного эпизода.

8. При вербализации интероцептивного ощущения часть смысловой нагрузки ложится на синтаксис. В современном английском языке синтаксическая структура отражает модус переживания телесности (континуум состояний, располагающихся между полюсами «Я есть тело» и «У меня есть тело»), репрезентирует некоторые феноменологические свойства интероцептивных ощущений и особенности их восприятия, отражает степень когнитивной готовности к восприятию ощущения и в отдельных случаях репрезентирует когнитивную модель интероцептивного ощущения.

9. Способы вербализации интероцептивных ощущений образуют в совокупности целостный фрагмент языковой действительности, обладающий свойством системности, подверженный историческим изменениям и допускающим значительную индивидуальную вариативность в выборе средств выражения.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были изложены более чем в тридцати выступлениях на научных мероприятиях разного уровня, в том числе таких значимых международных конференциях, как «International Conference for Academic Disciplines» – Готтенгейм, Германия, 2012 г., Вена, Австрия, 2013 г., Фрайбург, Германия, 2013 г.; «The 6th Annual International Conference on Languages and Linguistics» – Афины, Греция, 2013 г.; «The 2013 Stockholm Metaphor Festival» – Стокгольм, Швеция, 2013 г.; «Summer School in Cognitive Linguistics» – Бэнгор, Великобритания, 2013 г.; «The 5th UK Cognitive Linguistics Conference» – Ланкастер, Великобритания, 2014 г.; «The Nordic Intercultural Communication Conference» – Рейкьявик, Исландия, 2014 г.; «Русистика и компаративистика» - Вильнюс, Литва, 2013 г.; а также Международных конференциях, проходивших в России: «Гуманитарные науки и современность» – Москва, 2011-2013 гг.; «Научная дискуссия:

вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» – Москва, 2011-2014 гг.; «Наука в современном мире» – Таганрог, 2011 г. и др.), Всероссийских и региональных (Москва 2011-2014 гг., Новосибирск 2011-2013 гг. и др.). Результаты исследования отражены в 34 публикациях автора, в число которых входит монография «Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений», а также 33 статьи, в том числе 14 – в журналах, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, определенных ВАК.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы логически определяется поставленными в ней целями и задачами и логикой их решения. Работа состоит из **введения**, **четырёх глав**, **заключения**, **списка литературы** и **приложения**.

Во **введении** приводится определение interoцепции, релевантное для гуманитарных наук; определяется место interoцепции как научной проблемы в общем корпусе телесно-ориентированных исследований; обосновывается правомерность обращения к теме interoцепции в лингвистике; рассматриваются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; ставятся цель и задачи исследования, определяются его объект и предмет; указывается методология исследования и перечисляются используемые методы; формулируется рабочая гипотеза; приводятся положения, выносимые на защиту.

Глава I **«Методологические основы лингвистического изучения interoцепции»** содержит обзор теоретических предпосылок исследования.

В **Разделе 1** определяется место и статус interoцепции как научной проблемы в современных гуманитарных исследованиях. В качестве общенаучного контекста для изучения interoцепции в рамках современных гуманитарных наук рассматриваются исследования тела и телесности, осуществляемые в философии (В.А. Подорога, И.А. Бескова, Л. П. Киященко, Е.Н. Князева, Е.М. Быховская, Г. Вайсс), психологии (В.С. Дерябин, В.Н. Никитин, Д.С. Рождественский, Е.Э. Газарова, Б.Л. Лоуэлл, Х. Торстен), культурологии (С. Фишер, Дж. Твигг, А. Кляйнман, В.Л. Лехциер, К. Бентиен, М.Киммель), антропологии (С. Дж. Труп) и других науках, а также изучение interoцептивных процессов, оформившееся в самостоятельное научное направление в психологии в конце XX века (Е.Ю. Артемьева, А.Ш. Тхостов, С.П. Елшанский, Г.Е. Рупчев, Г.А. Арина, О. Кэмерон). В рамках собственно лингвистики исследование interoцепции сопрягается с

направлением «психосемиотика телесности» (Ю.А. Сорокин, А.А. Романов), а также изучением соматизмов, или корпореальной лексики (А.А. Залевская, Г.Е. Крейдлин, Т.В. Цивьян, Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова, Т.А. Бердникова, В.А. Савченко и др.). Нельзя не упомянуть и о чрезвычайно актуальном в Великобритании и США научном направлении, связанном с исследованием феномена боли и предполагающем изучение субъективных особенностей переживания и вербализации болевого опыта (Д. Биро, Э. Скарри, Д.Б. Моррис, Э. Семино, Х. Ласкариу, Р. Мелзак, П.Д. Уолл, Дж. Бурк и др.). Данное направление представлено в отечественной лингвистике серией исследований, выполненных под руководством Е.В. Рахилиной, и несомненно, пересекается с изучением interoцепции, поскольку часть interoцептивных ощущений относится к категории болевых. Наиболее полно и системно лингвистическое изучение interoцепции вписывается в формирующееся новое направление «Лингвосенсорика» (В.К. Харченко), в рамках которого предполагается изучение языковых способов обозначения перцептивных процессов. На сегодняшний день существует ряд работ, в которых рассматриваются способы словесного обозначения экстероцептивных ощущений (Е.Г. Басалаева, А.В. Двизова, Л.Б. Крюкова, Н.Л. Зыховская, Л.В. Лаенко и другие), и лингвистическое исследование interoцепции представляется логическим продолжением исследований в данной области.

В разделе обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к изучению interoцепции. Междисциплинарный подход позволяет скоординировать лингвистическое исследование с теми традициями изучения телесных феноменов, которые уже сложились в гуманитарных науках, учесть современные тенденции в разработке и интерпретации телесных феноменов, обеспечить планомерность и поступательность в разработке телесной проблематики, способствовать качественному приращению знания, избегая повторной проблематизации того, что уже изучено и описано в гуманитарных исследованиях.

В настоящей работе принят так называемый инструментальный междисциплинарный подход. Его суть заключается в том, что исследователь заимствует идеи из других дисциплин и применяет их понятийный аппарат и методики, не создавая отдельной, самостоятельной отрасли знаний. Инструментальный подход позволяет сохранить четкие рамки исследования (в нашем случае лингвистического), при этом более основательно фундировав его, максимально логично и непротиворечиво вписав его в общий научный контекст.

В Разделе 2 рассматриваются подходы к изучению внутреннего тела и interoцептивных ощущений, сложившиеся или складывающиеся в современных гуманитарных науках.

Раздел открывается обзором философских теорий и концепций тела, созданных в XX веке и определивших структуру и содержание современных «телесных» дискурсов. Важное место среди них отводится трудам экзистенциалистов Г. Марселя и Ж.П. Сартра, которые впервые провозгласили тело экзистенциальной опорой индивида в мире и обосновали его особый эпистемологический статус, указав на то, что тело не *познается*, а *переживается*, и его синтез не достигается посредством интеллектуальных усилий. Приводятся ключевые идеи философской концепции М.М. Бахтина, который, рассуждая о внутреннем теле, ввел понятие восчувствованной, переживаемой изнутри «тяжелой плоти». Особое внимание уделяется феноменологической концепции М. Мерло-Понти, который определил тело не как *вещь*, но как *отношение* к миру, указав, что обладание телом неизбежно означает сращивание с определенной средой, слияние с ней и углубление в нее. Идея о включенности тела в мир легла в основу концепции воплощенного сознания и созданной на ее базе теории воплощенного значения, которая послужила методологической базой настоящего исследования и речь о которой пойдет ниже.

В данном разделе представлены также те подходы к исследованию человеческого тела, которые используются в современной психологии и культурологии. Наиболее актуальным представляется направление «Психология телесности», основу которого составляет положение о том, что объектом исследования является не *анатомическое*, а *феноменологическое* тело – субъективная реальность, не тождественная анатомическому телесному субстрату, важнейшей частью которой является внутреннее тело. Суть феноменологического подхода мы резюмируем в трех основных положениях. Во-первых, он нацелен на рассмотрение реальных живых динамик внутреннего тела в той форме, в которой они воспринимаются и переживаются индивидом. Во-вторых, он подчеркивает уникальность каждого тела и его несводимость к единому стандарту. И в-третьих, феноменологический подход предоставляет индивиду значительную степень эпистемологической свободы в интерпретации внутрителесных феноменов. Однако, в отличие от многих представителей современной психологии (Д.С. Рождественский, Д. Биро и др.), мы не склонны абсолютизировать эту свободу и полагаем, что культурная среда, которой принадлежит человек, накладывает на него определенные ограничения.

Эта мысль подтверждается данными современной культурологии, которая признает, что ощущение является результатом «сложного взаимодействия тела и разума» (Д. Моррис). К числу наиболее важных факторов культурной среды могут быть отнесены бытующие в ней фольклорные представления о телесных феноменах, а также актуальные и воспринимающиеся как аксиоматические научные знания, доминирующие аксиологические установки, религиозные воззрения, каноны репрезентации тела в живописных произведениях и др. Перечисленные факторы обнаруживают не только культурную специфичность, но и историческую изменчивость. В этом смысле можно сказать, что интероцептивный опыт является категорией не только культурной, но и исторической. В связи с этим представляется некорректным говорить о дискурсе интероцептивных ощущений *вообще*; это всегда дискурс определенной эпохи и определенной социокультурной среды. Именно поэтому в настоящем исследовании точно оговаривается лингвокультурная принадлежность и датировка материала.

Наряду с культурной средой, к факторам, способствующим формированию индивидуальной сетки интероцептивных значений, можно отнести мотивацию, совокупный опыт переживания разнообразных телесных состояний, гендерную принадлежность индивида, ситуативно-средовые факторы, индивидуальные особенности когнитивного стиля и другие (А.Ш. Тхостов).

Уже на самой ранней стадии разработки телесной проблематики вообще и интероцепции в частности в гуманитарных науках в той или степени стали рассматриваться и языковые аспекты проблемы. Лингвистическая перспектива была намечена еще в работах Ж.П. Сартра и У. Джеймса, и все более отчетливо вырисовывается в исследованиях современных психологов, подчеркивающих роль вербальной составляющей в понимании «темных» органических ощущений (Е.Ю. Артемьева, А.Ш. Тхостов, Г.Е. Рупчев).

Принципиальную важность приобретает проблема выработки такой методологии исследования, которая обладала бы необходимым интегративным потенциалом, позволяя пересекать дисциплинарные границы и при этом оставаться в рамках лингвистической парадигмы. Наиболее полно этим требованиям отвечает теория воплощенного, или телесно-детерминированного, значения (*embodied meaning theory*), основы которой изложены в **Разделе 3**.

Теория воплощенного значения (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Гиббс, А. Кларк и другие) является натуралистической по своей сути, базируется на холистической трактовке человека, отрицающей противопоставление плоти и

разума, и выводит значение из присущей человеку способности воспринимать окружающий мир, манипулировать с объектами, перемещать тело в пространстве и оценивать ситуацию. Таким образом, значение располагается в потоке телесного опыта, который был бы невозможен без организма определенного типа, действующего в условиях определенной среды, задающей набор *аффордансов* – спектра потенциально возможных в этой среде действий. Понятие среды распространяется как на физическое, так и на социальное окружение человека и включает в себя фактор социокультурного взаимодействия. Любое событие нашей жизни является по сути *со-бытием*: совместным, взаимосвязанным и взаимообусловленным бытием феноменологических тел в условиях динамично изменяющейся физической и социальной среды. Для успешной адаптации к этой среде и эффективного функционирования в ней необходимы три вида умений: 1) общение, 2) восприятие объектов и манипулирование ими и 3) телесное движение (Дж. Лакофф и М. Джонсон). Все эти умения естественным образом предполагают участие тела и задействуют не только его перцептивные качества и моторные функции, но и способность испытывать желания и эмоции. Они не требуют использования языка в полном смысле этого слова, и все же являются средством создания значения и осмысления всего наличного опыта. Эти телесно-детерминированные структуры значения формируют основу для мышления и концептуализации, включая даже самые абстрактные модусы мышления и самые трудноуловимые феномены, такие, например, как время (Д.Б. Никуличева).

В строгом соответствии с теорией, мы рассматриваем процесс когнитивного моделирования и вербальной репрезентации интероцептивных ощущений как сложный речемыслительный акт, основанный на телесном опыте движения, перцептивного взаимодействия с объектами окружающего мира, социокультурной интеракции и эмоциональных переживаний.

В **Разделе 4** Главы I уточняется содержание терминов, используемых в телесно-ориентированных исследованиях, и определяется степень их релевантности для лингвистического изучения телесности.

Мы полагаем нецелесообразным противопоставление терминов «тело» и «телесность» и предлагаем считать телесность модусом тела, обеспечивая тем самым единство разных аспектов телесного опыта. Термин «схема тела» предлагается исключить из гуманитарных исследований как нерелевантный. Гуманитарные науки, по нашему мнению, могут оперировать лишь термином «образ тела», под которым понимаются социально и культурно детерминированные представления индивида о своем теле, потенциально выводимые в дискурс. Совокупный опыт переживания разнообразных

телесных состояний и ощущений предлагается обозначать термином «телесный опыт». Человек, аккумулирующий телесный опыт на протяжении своей жизни, именуется в данной работе термином «экспериенцер». Экспериенцер в условиях актуального, наличного телесного опыта обозначается термином «перципиент».

В Главе II «**Когнитивное моделирование интероцептивных ощущений**» описываются концептуальные структуры, в которых фиксируются результаты интероцептивного опыта в современной англоязычной лингвокультуре.

Рассматривая опыт переживания интероцептивных ощущений как часть субъективной реальности человека, в **Разделе 1** мы обращаемся к трактовке самого понятия *субъективная реальность*. Субъективная реальность определяется нами как интегральное, многомерное, сложно структурированное образование, включающее в себя множество иерархически организованных компонентов. Принцип иерархической организации действует и в отношении сферы интероцептивных ощущений. Принадлежа области внутреннего тела, они не могут осмысляться вне связи с ним, и их интерпретация неизбежно связана со сформированным в сознании образом тела вообще и внутреннего тела в частности. Иными словами, образ ощущения в той или иной степени «встроен», «вписан» в образ тела и коррелятивен ему.

В **Разделе 2** мы обращаемся к вопросу о *феноменологической специфике* интероцептивных ощущений и определяем те свойства, которые влияют на процессы их когнитивного моделирования. К числу наиболее существенных свойств мы относим: *перманентный характер восприятия* (непрерывность интероцептивных ощущений, невозможность «отключить» их), *специфичность канала восприятия* (невозможность использования привычных перцептивных процедур), *внесоциальность* (принадлежность исключительно субъективной сфере индивида, невозможность поделиться опытом с другим), *принципиальную неverifiedируемость* (невозможность проверки результатов интероцептивного опыта на предмет истинности или ложности), *изменчивость* (нестабильность качественных и количественных характеристик), *неконтролируемость* (невозможность осуществления произвольного контроля над протеканием интероцептивных процессов).

Эти свойства, как показано в **Разделе 3**, в совокупности обеспечивают уникальность интероцептивного ощущения как объекта познания. В разделе формулируется ряд общих правил, регулирующих процесс когнитивного освоения интероцептивных ощущений: 1) дистанцирование от тела, его восприятие как самостоятельной, не зависящей (или слабо зависящей) от

познающего **Я** реальности, в которой действуют собственные закономерности; 2) принципиальная возможность альтернативных трактовок; 3) выраженное предпочтение нежестким, динамическим интерпретативным схемам; 4) адресация к сфере внетелесного опыта.

В **Разделе 4** определяются общие принципы когнитивного моделирования interoцептивных процессов. Вводится понятие **когнитивного пространства interoцепции** – конгломерата концептуальных структур, которые репрезентируют в сознании человека ощущения, локализуемые в области внутреннего тела. Мы рассматриваем коллективное и индивидуальное когнитивное пространство interoцепции, подчеркивая их взаимосвязь и взаимообусловленность. Коллективное когнитивное пространство, выступая в качестве общего хранилища знаний о внутреннем теле в пределах определенного лингвокультурного сообщества, оказывает влияние на формирование когнитивного пространства каждого конкретного индивида, способствуя формированию в нем вполне определенных моделей и интерпретативных модусов. Это влияние осуществляется посредством бытующих в обществе дискурсивных практик (бытовых, научно-просветительских, анамнестических и других), сложившихся канонов визуальной репрезентации телесных явлений, специфических поведенческих стереотипов, ритуалов и норм и т.п. Эта информация усваивается каждым индивидом избирательно, в результате чего каждое индивидуальное когнитивное пространство interoцепции уникально и не изоморфно коллективному. Тем не менее, между ними с неизбежностью обнаруживаются общие черты, обусловленные принадлежностью экспериенцеров к одной культуре, выйти за пределы которой они, как правило, оказываются не в состоянии. Исключение составляют те случаи, когда субъект выступает в качестве первичного **концептуализатора** – человека, который первым создал и ввел в дискурс новую теорию (Р. Декарт – «тело – машина»), объяснительную модель (Р. Вирхов – «тело – государство») или образ (У. Гарвей – «сердце – насос»).

Исследуя структуру когнитивного пространства interoцепции, мы рассматриваем когнитивные модели и когнитивные образы. Мы исходим из классического определения когнитивной модели как способа организации знания (Дж. С. Халфорд) и особо подчеркиваем ее способность к адаптивным изменениям, отсутствие жесткой структуры, нелинейность, лакуарность и слабую формализуемость. Наличие этих свойств позволяет оперировать понятием модели, не создавая концептуального противоречия с введенным ранее понятием «образ тела».

Основу для моделирования интероцептивных ощущений в рамках англоязычной лингвокультуры составляют пространственные представления о теле. Пространственные представления о теле реализуются в «географической» и «контейнерной» его трактовке. В первом случае внутреннее тело осмысливается как некоторая географическая область и описывается с помощью широкого спектра топографической лексики: *my legs seemed two counties away from my brain* (S. King); *Her stomach leaped north* (J. Brown). Во втором случае внутреннее тело распознается сознанием как трехмерная структура, внешней оболочкой которой служит кожа и которая вложена во внешнее тело, выступающее по отношению к нему в качестве контейнера: *his stomach seemed to stand up and spin against his skin* (F.G. Leebbron). Эта структура представлена в сознании как глобальное единство, цельность которого не коррелирует с анатомической конфигурацией внешнего тела, что подтверждается, в частности, типичностью высказываний “*My heart sank/fell / dropped (in)to my feet*”, в котором сердце перемещается в «ступни», не разделяясь, однако, на две части и не перемещаясь в каждую из них поочередно. Привычность контейнерной трактовки тела заставляет интерпретировать все телесные события как нечто, происходящее «в нем», «внутри него», что иногда противоречит сложившейся практике концептуализации определенных телесных состояний и создает условия для языковой игры. Так, в 1927 г. в газете *The Adelaide Advertiser* был опубликован скетч «Боль» следующего содержания. Мать спрашивает сына: “*You don’t look well, Johnny. Are you in pain?*”, на что тот отвечает “*No, mummy. The pain’s in me*”.

Рассматривая вопрос о типологии моделей, представленных в когнитивном пространстве интероцепции, мы взяли за основу классификацию Ф. Н. Джонсона-Лэйрда и описали **соотносительную, кинематическую и каузативную** модели.

Соотносительная модель строится на основе аналогии с определенными объектами реального мира – физического или социального. Первой из них является модель «**тело – дом**», возникшая в коллективном когнитивном пространстве под влиянием широко популяризированной концепции Витрувия и закрепившаяся благодаря представлению о теле как о временном пристанище («доме») души, принятому в христианской доктрине. В рамках данной модели наблюдаются следующие основные типы концептуализации интероцептивных ощущений: 1) описание хронического генерализованного ощущения посредством имплицитного сравнения с архитектурным объектом в том или ином состоянии функциональной пригодности: *I lie here in the ruined castle that is my body* (S.King); 2) описание

преходящего локального ощущения посредством эксплицитного сравнения с функционально неисправным структурным элементом архитектурного объекта: *Frank Jewett felt a horrible sinking sensation in the pit of his belly. It felt like an elevator out of control (S.King)*; 3) описание персистирующего (долговременного) ощущения как возникновение препятствия при попытке проникновения в то или иное «помещение» внутреннего тела: *At last he was able to pull breath into his locked lungs (S. King)*; 4) описание дискомфортного эмоционального состояния как чувства диссоциации с собственном телом, концептуализируемого как принудительное нахождение в последнем: *a terrified prisoner inside his body – a hostage in a tower (S. King)*; 5) описание широкого спектра разнообразно локализуемых болевых ощущений посредством метафоры вторжения в тело инородных сущностей: *He tells me again about the dwarves of pain who have invaded his body (M. Shalev)* и другое. Модель «тело – дом» может присутствовать в когнитивном пространстве и в модификации «**тело – крепость**», оказывающейся особенно востребованной при концептуализации разнообразных патологических соматических состояний, описываемых как «нападение», «захват», «завоевание»: *HIV attacks the body immune system, invades the T-cells, batters the body defenses (BNC¹).*

Второй из рассмотренных нами соотносительных моделей является «**тело – машина**», возникшая в коллективном когнитивном пространстве англоязычной культуры в Эпоху Просвещения под влиянием картезианской философии и оказавшая наиболее существенное влияние на понимание тела и телесных процессов. В рамках данной модели выделяется две основные группы концептуализаций.

Во-первых, все тело может рассматриваться как механизм того или иного типа и той или иной степени сложности, и ощущение осмысляется как возникновение неисправности, влияющей на работу этого механизма. Релевантность такого представления подтверждается следующими видами словоупотреблений: 1) описание генерализованного диффузного ощущения, концептуализируемого как выход из строя тела-механизма: *he had diagnosed himself as being on the verge of a complete immunological breakdown (S. King)*; 2) описание дискомфортного локального ощущения через эксплицитное сравнение с частью механизма, находящейся в состоянии функциональной непригодности: *Her fingers were like the pincers of some machine which had frozen solid for lack of oil (S. King)*; 3) описание качественно определенного ощущения посредством эксплицитного сравнения с механической

¹ BNC – British National Corpus. – Режим доступа: www.natcorp.ox.ac.uk

неисправностью определенного типа: *he felt his bones rattle inside his body like loose stakes in an old truck (S. King)*; 4) описание локального динамического ощущения посредством имплицитного сравнения с механизмом, находящимся в процессе изменения режима работы: *Alan's heartbeat kicked into a higher gear (S. King)*; 5) описание процесса возникновения локального ощущения в терминах запуска механизма: *So he somehow managed to lean over again, awakening rusty bandsaws in his legs as he did so (S. King)*; 6) описание дискомфортного локального ощущения посредством имплицитного сравнения с механизмом или частью механизма, находящимися в неудовлетворительном техническом состоянии: *It didn't sound like much because my throat was rusty and my tongue creaked (K. Kesey)*; 7) описание локального ощущения посредством имплицитного сравнения с механизмом или прибором, работающим по определенному принципу и приспособленным для выполнения строго определенных функций: *My heart pumping, I follow Sadie to a side door and in through a laundry room as big as my whole flat (S. Kinsella)*; *Halleck closed his eyes again and listened to his hand broadcast pain (S. King)*.

Во-вторых, механическая интерпретация может предлагаться для самого ощущения, концептуализируемого как возникновение некоторого объекта механической природы во внутрителесном пространстве. Данная группа представлена следующими основными видами словоупотреблений: 1) описание разнообразно локализуемых болевых ощущений, концептуализируемых как внедрение в тело и воздействие на него определенных механизмов, деталей или приборов: *His heart was spike-iron in his chest (S. King)*; 2) описание процесса возникновения ощущения в терминах формирования некоторой механической конструкции: *The pain throbbed in his legs and made a deep steel circlet around his crotch (S. King)*; 3) описание ощущения как возникновение во внутрителесном пространстве множества разрозненных однотипных неорганических, чаще металлических, деталей: *barbed wire, steel hooks, long rods of metal, smooth steel needles, poisoned wires*.

Модификацией данной модели является «**тело – фабрика**», в рамках которой органические функции интерпретируются как производственные операции разной степени сложности. Тело «производит» (*the body produces/manufactures pigment, sperm, hormones, insulin, antibodies, proteins, etc. – COCA²*), «генерирует» (*the body generates heat, cells, a whole bunch of*

² COCA –Corpus of Contemporary American English. – Режим доступа: corpus.byu.edu/coca/

substances, etc.), «перерабатывает» (*the body processes hundreds of drugs, fructose, cholesterol, oxygen, etc. – COCA*) вещества и энергию.

К соотносительным мы относим модель «**тело – биологический организм**», которая сформировалась в результате «биологизации» человека, начавшейся в XVIII-XIX веках. В рамках данной модели осуществляется: 1) описание долговременного interoцептивного ощущения в терминах гниения и разложения органической материи: *you feel like you're starting to rot away* (B.Aiken); 2) описание болезненного ощущения, концептуализируемого как результат нападения на тело-организм другого живого существа: *The pain bit sharply again in his chest* (B. Plain). В рамках данного подтипа широко используется тактика зоо- и антропоморфизации ощущения, обеспечиваемая соответствующими метафорами: *infuriating scorpion-stinging pins* (C. S. Lewis), *sharp weasel's teeth* (S. King).

Соотносительная модель внутреннего тела может строиться и как аналог некоторых феноменов социальной природы, которые не имеют перцептивно воспринимаемых свойств. Так, тело в целом и внутреннее тело в частности может быть представлено в когнитивном пространстве аналоговой моделью **социума**. Это представление сформировалось, по-видимому, в результате распространения политической метафоры тела, авторство которой принадлежит патологоанатому Р. Вирхову (1821-1902), предложившему метафору либерального государства для объяснения принципов жизнедеятельности клетки организма. В рамках данной модели дискомфортное interoцептивное ощущение может интерпретироваться как результат сложного «политического процесса», происходящего в пределах определенного органа или фрагмента тела: борьбы за независимость, забастовки, бунта и т.п.: *Her knees seemed to have gone on strike* (R.Ash); *I was recuperating from a laparoscopy performed one week earlier to remove my rebellious gallbladder* (J. Wilson).

К соотносительным относится и модель «**тело – компаньон**», генетически связанная с религиозной и философской доктриной дуализма человеческой природы. Человек – это бестелесная сущность, будь то разум, душа, дух или **Я**. Тело – это атрибут человека, необходимый ему для земного существования. Однако в рамках описываемой здесь когнитивной модели происходит олицетворение тела, наделение его свойствами и качествами живого существа антропоморфной природы. Тело концептуализируется не как простой атрибут, а как спутник человека, за которым закрепляется обязанность поддерживать своего компаньона и служить ему. Возникающие дискомфортные физические ощущения интерпретируются как предательство тела – *the body's treachery*; тяжелое заболевание с высоким риском

смертельного исхода описывается как *'the ultimate betrayal of the body (СОСА)*.

Наиболее продуктивной моделью при осмыслении интероцептивных феноменов является *кинематическая*. В трактовке Ф. Джонсона-Лэйрда кинематическая модель репрезентирует изменение отображаемых сущностей и совершаемые ими движения.

Центральное место кинематической модели в когнитивном пространстве интероцепции согласуется с тезисом о важности телесного опыта движения в процессе осмысления реальности, который является одним из центральных постулатов теории воплощенного значения. Кинематическая модель ощущения обладает целым рядом преимуществ, по сравнению с ранее описанными. Во-первых, она позволяет осмыслить ощущение как относительно самостоятельное явление, не требуя комплексной привязки к образу внутреннего тела. Во-вторых, она в определенном смысле обеспечивает унификацию телесного опыта, объединяя внешнее и внутреннее тело в единое экспериенциальное пространство и подчиняя их общей моторной логике. Важно учесть при этом, что поскольку люди принадлежат одному биологическому виду, они обладают приблизительно одним и тем же кинематическим репертуаром, и, как следствие, воспринимают движение весьма сходным образом, несмотря на те ориентиры и ограничения, которые предлагает им социокультурная среда. Движение в этом смысле является универсальным семиотическим кодом, и даже при использовании неконвенциональных способов вербальной репрезентации позволяет добиться понимания у реципиента речевого высказывания. В-третьих, она обладает большей гибкостью, по сравнению с ранее рассмотренными соотносительными моделями, предоставляя больше возможностей для экспериментирования как с выбором типа движения, так и с выбором вербальных средств его репрезентации. Кроме того, кинематическая когнитивная модель допускает экстерииоризацию не только вербальными, но и жестовыми средствами, что оказывается особенно ценным в ситуациях, когда перципиент затрудняется с выбором слова для описания своего ощущения.

Немаловажно и то, что язык располагает богатейшим репертуаром средств для описания движений разных типов (что, в свою очередь, свидетельствует о плотности концептуального домена «движение», о высокой степени отрефлексированности опыта движения).

Имея сформированные представления о различных типах движения и обладая способностью к их сенсомоторной симуляции, перципиент способен интерпретировать ощущение как «чистое движение», которое регистрируется

им как происходящее во внутрителесном пространстве, но не привязывается к определенному органу: *to have a sinking / floating / crawling / tugging sensation; to feel a tug / a sinking / a twist, etc. inside.*

Кинематическая модель позволяет представить ощущение как некоторое компактное образование, перемещающееся по внутреннему телу: *An odd sensation coursed through her* (K. Rockland); *A prickling sensation ran through her limbs* (W.M. Gear).

Она позволяет интерпретировать ощущение и как изменение исходной формы или объема объекта, не связанное с его пространственным перемещением: *Some manner of sensation twisted in her belly* (M. Wine).

Таким образом, данная модель удобна тем, что она не требует от перцепиента знаний анатомии и позволяет сосредоточиться на качественных характеристиках ощущения, снимая вопрос о его точной локализации. Одновременно с этим она не исключает возможности привязки ощущения к определенному органу и позволяет «встроить» ощущение в сформированный образ тела: *After a few seconds I feel a weird flip in my stomach* (S. Kinsella); *Alan felt a sickening lift-drop in his stomach* (S. King).

В рамках кинематической модели интероцептивное ощущение может интерпретироваться также как изменение в исходном положении органа при сохранении его общей локализации. Так, например, оно может описываться как утрата изначального баланса органа: *My stomach lurches again* (S. Kinsella) или как вращение органа вокруг собственной оси: *He felt his stomach roll over in a single giddy tumble* (S. King).

Каузативная модель строится на основе кинематической и репрезентирует причинно-следственные отношения между отображаемыми событиями. Эта модель оказывается наиболее релевантной для осмысления тех интероцептивных ощущений, которые связаны с действием определенных эмоциогенных факторов. Интероцептивные ощущения и эмоции находятся в отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности: любое ощущение аффективно окрашено и неизменно оценивается в терминах «хорошо» / «плохо», а любая эмоция получает соматическое подкрепление в виде той или иной физиологической реакции, называемой А. Дамазио «соматическим маркером» (*сердце «сжимается» от тоски, «ёкает» от страха, «выпрыгивает из груди» от испуга и т.д.*). Как показывают исследования, интероцептивные ощущения играют первостепенную роль в осознании самой эмоции: люди «понимают», что испытывают эмоцию, лишь отмечая у себя определенные соматические реакции. С другой стороны, именно опыт переживания эмоциональных состояний способствует приобретению интероцептивного опыта. Таким

образом, можно заключить, что наряду с генетической и феноменологической связью, существует и связь когнитивная: ощущение становится достоянием сознания в момент эмоционального потрясения, «открывая» перципиенту его внутреннее тело, а эмоция осознается через регистрируемое сознанием ощущение.

Одним из результатов когнитивной обработки этого сложного психосоматического комплекса является когнитивная модель каузативного типа, в которой эмоция предстает как причина возникновения определенного interoцептивного ощущения. Эта модель может репрезентироваться в речи классическими каузативными конструкциями и их свернутыми вариантами: *Her anger caused his heart to beat even harder* (A. Stevens); *My heart was banging in my ears, scared he'd seen me* (K. Kesey). Каузативные отношения сохраняются и в том случае, если непосредственное указание на испытываемую эмоцию отсутствует, поскольку репрезентируемый в высказывании соматический маркер считается типичным в англоязычной культуре: *Heart racing, Laura went to the bed again* (D. Koontz).

Насаждаемая культурой типизация соматических проявлений приводит к тому, что каждый перципиент имеет устойчивое представление о том, как именно нужно переживать ту или иную эмоцию и какие ощущения следует при этом испытывать. Каузативная модель позволяет создать комплексную репрезентацию физического и психического опыта. Название ощущения может метонимически обозначать эмоциональное состояние (*'my stomach was turning over' – I was nervous*). В свою очередь, указание на эмоцию, локализованную в определенном органе, может служить средством обозначения ощущения: *a nervous stomach* (букв. 'нервный желудок' – желудок, в котором регистрируются резко дискомфортные ощущения в стрессовой ситуации; часто используется для обозначения несварения, связанного со стрессом).

К конститuentам когнитивного пространства interoцепции мы относим и **когнитивные образы**, вслед за Р. Холтом определяя их как «субъективное воспроизведение ощущения или восприятия при отсутствии адекватного сенсорного воздействия».

Согласно теории воплощенного значения, перцептивное взаимодействие с миром составляет, в числе прочих факторов, основу для смыслообразования. Сфера interoцептивных ощущений отнюдь не является исключением из общего правила; напротив, экстероцептивные процессы являются важнейшим инструментом их когнитивного освоения. Перенос результатов экстероцептивного опыта на область внутрителесной реальности соответствует принципу когнитивной экономии (Б.М. Величковский, Д.

Халперн), поскольку он не требует создания особых, отдельных интерпретативных модусов и инструментов для осмысления interoцептивных процессов. Отметим, что создание столь узко-специализированных модусов в любом случае эвристически бесперспективно: отсутствие общего экспериенциального базиса и невозможность верификации ощущений делают этот процесс крайне затруднительным, и даже в случае успешного решения этой когнитивной задачи коммуникация interoцептивного опыта была бы практически невозможна, поскольку индивидуальные интерпретативные модели с высокой степенью вероятности были бы несовместимы.

Осмысление interoцептивных процессов в терминах экстероцептивного взаимодействия со средой оказывается весьма эффективным приемом. Во-первых, люди как представители одного биологического вида обладают приблизительно одинаковыми перцептивными возможностями, благодаря чему у них формируются сходные перцептивные образы объектов. Во-вторых, общность географической и культурной среды обеспечивает существенное сходство совокупного перцептивного опыта у разных представителей одного и того же социума, поскольку они видят, слышат, обоняют, осязают и воспринимают на вкус вполне определенный набор предметов, с которыми регулярно сталкиваются на протяжении своей жизни. В-третьих, результаты экстероцептивного опыта могут быть верифицированы, и даже при наличии существенной индивидуальной вариативности в восприятии существует возможность выработки так называемых сенсорных, или перцептивных, эталонов.

В когнитивном пространстве interoцепции наличествуют образы всех чувственных модальностей: **тактильной** (*There was a cold sensation throughout my body, particularly along the joints (J. O'Connell); Low in my body I feel something I must imagine: a tingling, gritty sensation (S. Finnamore)*), **зрительной** (*Red pain exploded within (M. Swanwick); A new wave of pain shot like lightning up my arm (D.E. Johnson)*); **слуховой** (*His stomach roared with hunger (F. Goldman), The pain began to mutter up and down his legs again (S. King)*); **обонятельной и вкусовой** (*I had the feeling of something going sour in my stomach (V.D. Woodbrown), a sudden miserable, corrosive bitterness in my heart (W. Styron)*).

В Разделе 5 обсуждаются особенности конфигурации когнитивного пространства interoцепции. Мы показываем, что различные когнитивные структуры не существуют изолированно, а взаимодействуют между собой. Они могут образовывать иерархические структуры, в которых одна модель

входит в другую, а также комбинироваться друг с другом. Интероцептивный опыт может последовательно осмысляться в рамках одной модели либо требовать создания бленда, совмещающего несколько когнитивных структур или их элементов и отражающего характеристики актуального ощущения. Процесс комбинирования различных когнитивных структур и их элементов лежит в основе формирования **смешанной метафоры**, широко употребляемой в интероцептивном дискурсе. В современном английском языке смешанная метафора чаще всего комбинирует механические и анималистические образы: *She looked at her right arm, then turned her head on the rusty armature of her neck (which was only partially asleep) and looked at her left (S. King); Blankenship felt the wound now, as he had ten times a day in whatever damp weather and probably would for the rest of his life, an icy trembling twitch like electric voltage pulsating in his thigh: for a brief dolorous instant it battened cruel teeth down to the marrow of his bone; then the trembling ceased (W. Styron).*

Реконструировав когнитивное пространство интероцепции на основе анализа фактов речевой практики, мы убедились в том, что представления о внутрителесных процессах укладываются в некоторое обозримое число концептуальных структур. Наличие нескольких структур объясняется феноменологической спецификой ощущений, позволяющей трактовать их множеством альтернативных способов. Тем не менее, бытующее представление о безграничной свободе индивида в осмыслении и вербальной репрезентации его интероцептивного опыта является мифом, поскольку даже в самых смелых когнитивных экспериментах человек лишь в исключительно редких случаях оказывается способен выйти за пределы телесного концептуария своей культуры.

В Главе III «**Лексические средства репрезентации интероцептивных ощущений**» рассматриваются основные лексические единицы и их сочетания, с помощью которых осуществляется вербализация интероцептивного опыта в современном английском языке.

В **Разделе 1** рассматривается феномен «невыразимости ощущения» и дается его лингвокогнитивная интерпретация.

Указание на невыразимость ощущения является обязательным во всех источниках, рассматривающих сферу интероцепции. Отчетливо прослеживаются две основные линии: высказывается мнение о невозможности ухватить его сознанием («концептуальное отсутствие» – Д. Биро) и невозможности выразить его словами («языковое отсутствие» – Д. Биро). Первое ограничение связано со специфическими феноменологическими свойствами интероцептивного ощущения,

отсутствием необходимого перцептивного и когнитивного опыта, а также особенностями человеческого сознания. Второе ограничение связывается не только с «вербальной ущербностью» конкретного индивида, но и со скудостью соответствующей части словарного состава языка. Существует устойчивое представление о крайней малочисленности и бессистемности словаря интероцептивных ощущений. По нашему убеждению, своим возникновением оно обязано тому, как именно происходит усвоение словарных единиц соответствующей группы. В отличие от словаря экстероцепции, который признается обязательным для изучения в самом раннем возрасте и усваивается по парадигматическому принципу, интероцептивный словарь никогда не предъясняется человеку системно, списком единиц. Он оказывается *распыленным в глобальном дискурсивном пространстве*, и человек вынужден составлять список единиц самостоятельно, по мере приобретения нового перцептивного и дискурсивного опыта. В результате, действительно, создается впечатление скудости и бессистемности, хотя на самом деле «бедность языка» – это зачастую лишь бедность идиолекта, незнание того репертуара языковых средств, которые используются в различных дискурсивных практиках. В свою очередь, незнание существующей лексики сказывается и на осмыслении интероцептивных ощущений, поскольку готовые вербальные решения могут направить когнитивный поиск перцепиента в определенное русло и способствовать нахождению оптимального способа номинации.

В **Разделе 2** описывается опыт систематизации словаря ощущений. Обсуждаются так называемые опросники боли и подробно анализируется известный опросник МакГилл. Его лингвистическая ценность заключается в том, что он был построен по семантическому принципу, «узаконил» употребление простых, бытовых слов для обозначения ощущения и оказал значительное влияние на дискурс ощущений в рамках англоязычной лингвокультуры. Это влияние проявилось в том, что он задал определенный формат вербализации ощущений, вытеснив глагольную лексику адъективной и заменив полноформатные высказывания однословными дескрипторами, а также осуществил унификацию словаря ощущений, существенно сузив круг используемой лексики. Кроме того, он «навязал» болевую трактовку ощущениям, которые раньше болевыми не считались, явив тем самым наглядный пример действия механизма **ретроекции** – процесса, в ходе которого происходит интериоризация способов переживания ощущения, зафиксированных в языке. Таким образом, связь между феноменологическими свойствами ощущений и способами их вербализации

оказывается двусторонней: дискурс ощущения способен влиять на его феноменологию.

В **Разделе 3** мы обосновываем метафорический характер interoцептивного словаря и определяем функции метафоры по отношению к interoцептивному ощущению: 1) Метафора объективирует ощущение, оформляет его, придает ему реальность, выступая в этом смысле как своеобразный инструмент миропорождения. 2) Метафора позволяет структурировать глобальный, синкретичный внутрителесный опыт, сообщая ему структуру, форму и цель и тем самым делая его более понятным. 3) Метафора дает возможность коммуникации interoцептивного опыта, позволяет сообщить о сугубо индивидуальных, субъективных переживаниях другому человеку. Она позволяет преодолеть онтологический раздел между реальностью субъекта, испытывающего ощущение, и реальностью *Другого*, находящегося вне этого ощущения и не способного пережить его во всей совокупности качественных и количественных свойств. Эти радикально различные реальности совмещаются лишь посредством их соотнесения с элементами общего опыта, лежащими за границами индивидуального внутрителесного пространства. Метафора является тем когнитивным механизмом, который обеспечивает это соотнесение. 4) Соотнося внутрителесное с внешнетелесным, метафора обеспечивает континуальность телесного опыта, препятствуя его дроблению на самостоятельные, несоприкасающиеся и несовместимые фрагменты. Метафора обеспечивает и компактность словаря телесного опыта, позволяя максимально эффективно использовать имеющиеся, хорошо апробированные языковые формы. 5) Метафора является концептуальным механизмом, обеспечивающим формирование устойчивых когнитивных моделей interoцептивных ощущений. Сформировавшаяся метафорическая проекция по мере укоренения в индивидуальном и коллективном когнитивном пространстве задает определенный формат метафоризации, позволяя экспериментировать с различными языковыми средствами в пределах одного домена. Результаты такого экспериментирования могут закрепляться в когнитивном пространстве, тем самым дополняя и расширяя существующие когнитивные модели.

Признавая метафоричность базовым свойством словаря interoцептивных ощущений, мы неизбежно приходим к вопросу о тех доменных областях, которые служат источником метафорической проекции на область внутреннего тела. Первый из них – экстероцептивный домен «экстероцептивное взаимодействие с окружающей средой» – рассматривается в **Разделе 4**.

Экстероцептивный опыт составляет основу для формирования практически всех когнитивных моделей интероцептивных ощущений: соотносительных (через манипулирование с предметами и участие в их создании, а также через участие в социальных и коммуникативных практиках), пространственных (через чувственно воспринимаемые параметрические, геометрические и другие свойства окружающей среды и находящихся в ней объектов), кинематических (через наблюдение за кинетическим поведением объектов), образов (отражающих результаты зрительного, слухового, осязательного и других видов восприятия).

В составе данного домена мы выделяем субдомен «орудия», включая в него собственно орудия и оружие. Популярность орудийной метафоры в интероцептивном дискурсе объясняется несколькими факторами. Манипуляции с орудиями составляют основу человеческого опыта и используются во всех сферах человеческой жизни. Основные принципы манипуляции с орудиями в практической или теоретически-умозрительной форме усваиваются с первых лет жизни человека, они общедоступны и общепонятны, разделяются всеми членами лингвокультурного сообщества и являются основой для межсубъектного взаимодействия. Орудийная метафора обладает значительной емкостью и гибкостью, позволяя представить разные аспекты описываемой ситуации: основным фокусом внимания может стать размер орудия, его конфигурация, принципы его работы, сила оказываемого им воздействия и последствия этого воздействия на человеческое тело, его кинетические характеристики и т.д. Таким образом, орудийная метафора объемна и полифонична, она задает формат для нарратива ощущения, давая возможность «прописать» отдельные компоненты более детально и рельефно, а другие лишь имплицировать.

В интероцептивном дискурсе к орудийной метафоре чаще всего прибегают при описании болевых интероцептивных ощущений, отличающихся высокой интенсивностью и имеющих более или менее четкую локализацию во внутрителесном пространстве. Важный вопрос возникает в связи с использованием широкого спектра лексики, метафорически обозначающей некоторое экстремальное по своей разрушительной силе воздействие на тело: *stab, lance, hammer, bore* и т.д.. Представляется маловероятным, чтобы человек имел непосредственный телесный опыт такого рода, что заставляет усомниться в правомерности тезиса о том, что перцепиент проецирует на внутреннее тело то, что он испытал телом внешним. Из всех существующих объяснений наиболее убедительными представляются следующие: 1) незнакомый телесный опыт, такой, например, как ощущение от удара ножом, представляет собой «экстремальную версию»

более простых и часто происходящих болевых событий, например, укола иглой (Дж. Миллер); 2) метафора является аналогией, основанной на визуальных и темпоральных соответствиях. Так, например, если боль характеризуется внезапным началом и внезапным же завершением и ограничена небольшим пространством, мы называем ее «стреляющей болью» (*shooting pain*). Она напоминает «визуальную форму» выстрела, а не те болевые ощущения, которые возникают в результате реального выстрела в тело (А. Глуклих).

Наибольшей популярностью пользуются две тактики номинации ощущения, основывающиеся на орудийной метафоре: 1) указание на внешний источник ощущения, орудие, которое вызывает его (*It feels as though a hammer is coming down on my spine*) и 2) указание на специфическое повреждение тела, которое изображается как сопровождающее это ощущение (*It feels as if my arm is broken at each joint and the jagged ends are sticking through the skin*) (Э. Скарри).

В рамках первого типа может осуществляться прямое указание на орудие, с воздействием которого связывается возникновение того или иного ощущения: *She felt as if a blade had pierced her heart* (L. Goldstein); *Suhag felt as if sharp needles were pricking her all over her body* (K. Sobti). Орудие может выступать как носитель ощущения, придавая ему конкретную, осязаемую форму: *A sharp spear of pain stabbed me* (J. Kirkpatrick); *My left shoulder hurt like hell, and a knife of pain stabbed through my right ankle* (L. Grant). В описаниях подобного рода используются исключительно наименования колюще-режущего оружия (*a spear / knife / dagger of pain*), но никогда огнестрельного либо адаптированного для деструктивных целей орудия производства (ср.: **a gun / hammer of pain*). По-видимому, это объясняется исторической приоритетностью колюще-режущего оружия, привилегированным статусом соответствующих единиц в лексическом и фразеологическом фонде языка, а также наличием определенной эстетической составляющей в его использовании. В описание может вводиться субъект, как правило, обезличенный, что позволяет использовать в орудийной функции нетривиальные, нетипичные объекты, орудийное использование которых требует интенции и креативности – состояний и качеств, свойственных исключительно человеку: *It felt as if someone stuck a spoon into the back of my throat and dug out something that clung there fiercely by its roots* (C. O'Keefe); *It felt as if someone had run a steel wool pipe cleaner briskly through my chest cavity* (R.K. Morgan). Орудие может лишь имплицироваться посредством указания на типичное для него повреждающее воздействие: *Lowell felt as if he'd been shot through the chest* (B.J. Friedman). С

другой стороны, ощущение может описываться как нахождение орудия во внутрителесном пространстве, при этом оказываемое им воздействие не эксплицируется: *Each breath felt like a spear in his ribs (B.A. Johnston)*. Подобная тактика репрезентации ощущения используется в некоторых формах болевой терапии: пациенту предлагают представить оружие или инородный предмет внутри тела и затем мысленно вытолкнуть его.

Второй тип высказываний, где в фокусе внимания оказывается повреждение тела при нерелевантности вида орудия, обнаруживает гораздо меньшую вариативность и характеризуется меньшей частотностью употребления: *Describing it now, I can say it felt as if a narrow hole had been scooped out, or drilled, right behind my sternum, toward the lower end of it, where the lower-most ribs come together (J.D. Houston)*; *His head was throbbing with such pain that he felt as if his skull had been split in two (A. Mendez)*. Ощущение в данном случае предстает как результат, итог воздействия орудия, сам процесс воздействия выносится за скобки.

Вторым субдоменом являются «**живые существа**», взаимодействие с которыми представляет собой важнейшую часть экстероцептивного опыта человека. Это взаимодействие может осуществляться в тактильной, зрительной или слуховой форме, способствуя возникновению когнитивных образов соответствующих модальностей, а также становлению кинетической модели ощущений и разнообразных блендов, объединяющих концептуальные структуры разных типов. Основу для метафорической проекции на область интероцепции могут составлять отдельные признаки или свойства живых существ: 1) особенности их кинетического поведения: *The pain was clawing at her heart (A. Ivy)*; *His heart kicked in his chest (R. Morgan)*, в том числе и типы агрессивного поведения, связанные с оказанием травматического воздействия с помощью зубов, клыков, жала и т.п.: *After all these years that old pain was gnawing his bones again (S. King)*; 2) особенности голосового поведения: *The pain began to mutter up and down his legs again, and it was speaking even more loudly from the area of his pelvis – he had been sitting up for nearly an hour, and the dislocation down there was complaining about it (S. King)*; 3) естественные биологические процессы, регулирующие жизнь человека и животных: *At last the pain died (J. Slonczewski)*; 4) присущие живым организмам физиологические потребности, удовлетворение которых осуществляется естественным для живых организмов способом: *The pain was eating through Geordi's face (L. K. Hamilton)*; *But as the powerful tranquilizer took effect, the dark and the pain devoured him (M. Cerasini)*; 5) разнообразные физиологические состояния, свойственные человеку и животным (сон,

бодрствование и т.п.): *the pain, which was now fully awake and raving through his body* (S. King).

Метафорическая проекция на область интероцептивных ощущений может осуществляться посредством экстраполяции целостного образа вполне определенного живого существа: *Soon, the pain would return, and the cold would be like a crab moving through his bones and tearing out bits of his marrow with its icy claws* (D. Koontz). Образ может носить и обобщенный характер, обозначая животное определенного типа, например, зверя: *The quick and uncalculated movement awoke his pain from its doze. It snarled dully in what remained of his shins and in the bunched salt-dome that had replaced his left knee. It turned over, needling him from where it lay imprisoned in its cave of bones, and then fell lightly asleep again* (S. King).

Особый интерес представляют случаи явной **антропоморфизации** ощущения. Прибегая к данной когнитивной стратегии, перцепиент наделяет органы своего внутреннего тела, а также ощущения, которые в них локализируются, волей и способностью к совершению сложных целенаправленных действий. В контексте эксплицируется элемент целеполагания, используются единицы с семантикой волеизъявления, намерения, желания: *My stomach wanted desperately to be sick* (T. Zahn). Отмечаются и случаи прямой антропоморфизации ощущения, в частности, болевого, когда высказывание соответствует классической структуре метафоры, причем эта метафора реализуется не только на лексическом, но и на морфологическом уровне: *Pain no longer seemed a rather rakish **companion**, but a **bully** and a **bore**, someone best forgotten* (M. Jackson).

Некоторые из принадлежащих данной группе лексические единицы подверглись конвенционализации в интероцептивном дискурсе и были зафиксированы в соответствующем интероцептивном значении в словаре (например, *sting* и *gnaw*). При конвенционализации происходит частичная десемантизация слова (ср. **to gnaw** – *to continuously cause you pain or worry you*). Тем не менее, связь с исходным доменом не утрачивается полностью, что подтверждается достаточно представительным корпусом примеров, в которых наблюдается экспликация исходного зоологического образа: *her own fears, which had gnawed at her like sharp weasel's teeth as she walked over, were forgotten* (S. King); *He lay there in silence while the hunger gnawed at him like a rat* (Ch. Feehan). Одновременно с этим вследствие высокой степени конвенциональности наименование ощущения может метонимически использоваться в качестве предиката при названии самого органа, в котором оно локализуется: *hunger gnawed at my stomach – my stomach gnawed; emotion*

stung my heart – my heart stung. Ср.: *Her stomach gnawed, and so she opened the refrigerator* (A. North).

В составе данного домена выделяется и субдомен «**природные явления**», в который входят две относительно независимые области: 1) погодные и климатические явления (дождь, снег, град, гром, молния и т.д.): *A new wave of pain shot like lightning up my arm* (D.E. Johnson); *His heart thundered in his chest* (S. King); *She was having trouble hearing anything over the storm inside her* (A. Garrett). Заметим, что метафора молнии является «каноническим» средством описания головной боли, которое используется как в вербальном, так и в визуальном формате. Так, например, символом Британской Ассоциации невралгии тройничного нерва (Trigeminal Neuralgia Association UK) является схематичное изображение человеческой головы с красной молнией, пронзающей лоб, щеку и нижнюю челюсть; 2) природные катаклизмы (землетрясение, цунами, тайфун, извержение вулкана и т.д.): *She roared again, and a blinding bright pain erupted inside my skull* (S. Fletcher); *Deep fatigue floods through my bones and muscles* (W. Styron).

В Разделе 5 рассматривается экспериенциальный домен «**движение**», представленный в основном глагольной лексикой, а также производными от нее единицами субстантивной семантики.

Метафоры движения, в первую очередь, являются средством формирования кинетической модели ощущений, а через нее – и каузативной модели. В то же время они играют определенную роль в становлении соотносительных моделей, описывая динамические аспекты существования объектов, по аналогии с которыми осмысляются внутрителесные феномены.

Одной из базовых характеристик глаголов движения является *пространственность*. Неразрывная связь движения с пространством, в котором оно осуществляется, подтверждается возможностью имплицитирования геометрических признаков последнего в семантике языковой единицы.

Одним из них является общая ориентированность пространства по осям вертикаль – горизонталь. Так, например, интероцептивные ощущения, особенно те, которые локализуются в сердце и желудке, часто описываются с помощью глаголов *to fall, to drop, to sink, to rise, to soar, to jump, to leap* и других, а также производных от них единиц. Ср.: *It wasn't just my heart that sank; everything below my neck seemed to drop five inches* (S. King). В семантике этих глаголов содержится компонент «направление движения», который реализуется одной из двух сем – «вверх» или «вниз». Популярность глаголов, обозначающих перемещение по вертикальной оси, свидетельствует о том, что внутреннее тело ментально моделируется как вертикально

ориентированная структура, в которой ось верх-низ имеет гораздо большую протяженность, чем ось лево-право.

Глаголы движения способны имплицировать и более конкретные геометрические свойства пространства, в частности, замкнутость и размерность: *Charles gave a stifled cry and felt his heart and stomach cram up into his throat (S. King)*. Кроме того, они способны имплицировать тип среды, в которой происходит движение: *Johnny's heart sank a little when he read the sign posted outside the lounge doors (S. King)* (**sink** – движение, возможное лишь в водной среде); *I shoved past a cameraman, my nerves hopping like faulty wiring as my heart flew (P. Cornwell)* (**fly** – движение, возможное лишь в воздушной среде). «Жидкостная» интерпретация более характерна для ситуаций, когда интероцептивное ощущение связано с действием эмоциональных факторов: *She waited, her heart in her mouth, and when he said "I think we have to, don't you?" it sank all the way to her feet (S. King)* (протагонист испытывает страх). По-видимому, здесь можно усмотреть связь с типичной концептуализацией эмоции как «жидкости внутри контейнера», однако в данном случае жидкостную интерпретацию получает не сама эмоция, а то пространство, в котором она локализуется.

В рамках событийной схемы движения (фигура – база – направление – Л. Талми) при описании ощущения фигурой чаще всего оказывается некоторый орган внутреннего тела, при этом наиболее «когнитивно освоенными» и, соответственно, чаще описываемыми, являются сердце и желудок. Глагол, по нашему мнению, может имплицировать морфологические свойства объекта, являющегося фигурой. Этот объект может быть представлен как одушевленный или неодушевленный, поскольку некоторые типы движений характерны только для живых существ и предполагают наличие строго определенной анатомии: *he felt his heart crawl up into his throat (S. King)*. Некоторые действия, напротив, принадлежат кинетическому репертуару неодушевленных предметов: *Kendahl's heart dropped to her knees (J. Amber)*; *Johnny's heart sank a little when he read the sign posted outside the lounge doors (S. King)*. Признак «одушевленность / неодушевленность» может дополнительно эксплицироваться в сравнении: *My heart leaps like a doe in the forest (P. Conroy)*; *Jaden's stomach sank like a stone (K.L. Castle)*.

Компонент «направление» кодируется в семантике единиц, обозначающих перемещение по вертикали (вверх – *rise, soar, lift*, вниз – *sink, drop, fall*), а также по горизонтали, обозначая изменение в естественном положении некоторого органа при сохранении его первоначальной локализации (*lurch, tilt*): *My heart dropped (E. Swenson)*; *I felt my heart lift at this amazing sight (D. Koontz. Seize the night)*; *My stomach lurches*

again (S. Kinsella); Billy felt his heart tilt in his chest and fall crazily out of rhythm (S. King). Вектор движения может дополнительно задаваться «вертикально-ориентированными» наречиями: *My heart dropped low in my belly (M.L. West)*, а также указанием на ту точку внутрителесного пространства, где локализуется финальная стадия ощущения: *my heart plunged to my stomach (Ph. Chesler); My heart dropped to my bowels (M.L. West).* У глаголов, прошедших процесс конвенционализации (*jump* и *lurch*), признак «направление движение» часто оказывается нейтрализован (Ср.: *if your heart jumps, it suddenly feels as if it is not beating regularly, for example because you are frightened or excited; if your heart or stomach lurches, it seems to suddenly jump because you are excited or upset [MEDAL]*), что заставляет вводить в контекст сателлит и позволяет задавать любой вектор перемещения: *After a few minutes my thighs were burning and my heart was jumping all around my chest (A. Mindt); Her heart lurched up into her throat, and tears welled in her eyes (P. Kuck).*

Наибольший интерес представляют глаголы, кодирующие способ движения. Придерживаясь классификации Ф.-Э. Кардини, мы рассматриваем несколько наиболее релевантных групп. Первую из них составляют глаголы, профилирующие траекторию. Признак «траектория» является салиентным в семантике глаголов, обозначающих круговое движение: *turn, roll, flip, spin, swirl.* Способность к совершению кругового движения чаще всего приписывается сердцу и желудку: *I can feel my stomach turning (Sh. Petroff); My heart flipped in my chest (J. Evanovich); My heart swirled and danced under his touch (L. Patton).* В качестве фигуры / траектора может выступать само ощущение: *The pain spun inside me in several different directions (Sh. C. Rogers).* Ощущение может описываться как круговое движение, локализуемое в определенном органе, но не совершаемое самим этим органом: *After a few seconds I feel a weird flip in my stomach (S. Kinsella); But at least the swirling in his head had slowed down (R. Canning).* Глаголы кругового движения различаются между собой определенными семантическими параметрами, наибольшей степенью релевантности среди которых обладает параметр «число оборотов», соотносящийся с темпоральными характеристиками ощущения (*His stomach flipped again, and he winced (K.K. Rusch); a giddiness swirling about in my brain (W. Styron)*), а также параметр «скорость вращения», соотносящийся с интенсивностью ощущения (*Larry's empty stomach did a slow forward roll (S. King); her stomach gurgling, mind reeling, heart flipping like a deranged jack-in-the-box (E. Juska).*

Одним из наиболее важных признаков глаголов, используемых в интероцептивном дискурсе, является «скорость», которая соотносится с

интенсивностью переживаемого ощущения. К числу наиболее частотных глаголов, обладающих семантикой быстрого движения, относятся единицы с общим значением «бегать» (*run, race* и *gallop*). Наиболее характерным для них контекстом употребления является описание ощущений, связанных с учащением кардиоритма. Их популярность объясняется в том числе тем, что лексемы данной группы позволяют фиксировать варьирующуюся скорость кардиоритма, поскольку экспериенциальный субдомен «бег» достаточно хорошо структурирован. Так, ускоренный шаг, приближенный к бегу, обозначается лексемой *trot*, сам бег, по мере нарастания его скорости, обозначается лексемами *run, race* и *gallop*: *My heart went into a bumping erratic trot when Nathan <...> hustled in out of the night* (W. Styron); *He felt his heart speeding up to a frightened run* (S. King); *Jason's heart was still racing* (R. Cook).

Параметр «вес» оказывается салиентным в семантике глаголов *pound, stomp* и *trip*, чаще всего используемых для обозначения ощущений, связанных с изменением кардиоритма: *My heart tripped and then began to pound as we stopped in front of the house* (V.C. Andrews).

В интероцептивном дискурсе представлены также глаголы с семантикой нарушения кинетической нормы, обозначающие неплавное, негармоничное движение (*skitter, stumble, jerk*) и используемые для обозначения преходящего дискомфортного ощущения, чаще локализуемого в сердце: *every now and then his heart skittered in his chest (like a man who has stepped in something greasy, he thought)* (S. King); *It was enough to send my heart stumbling and make my blood rush* (Ch. Teglia). К этой группе примыкают глаголы *recoil* и *cringe*, обозначающие движение «задним ходом», которое сопряжено с определенными кинетическими трудностями и воспринимается как «неправильное»: *The thought of eating anything too thick to read a paper through – tomato bisque, cream of mushroom – made his stomach cringe* (S. King). В корпусе встречаются и примеры глаголов, которые обозначают перемещение, сопровождаемое определенным звуком: *She reached into her pocket and her heart rattled beneath her ribs* (J. Quatro).

Подводя итог, мы отмечаем, что метафора движения является важным средством осмысления интероцептивных ощущений и получает обширное вербальное оформление. Некоторые семантические параметры (в первую очередь скорость и вес, в гораздо меньшей степени – вектор) соотносятся не только с феноменологической, но и с физиологической спецификой ощущений, в то время как другие (траектория, например) задействуются достаточно произвольно и представляют собой в этом смысле «чистую метафору». В интероцептивном дискурсе многие глаголы, выступая в

качестве репрезентантов метафоры движения, подвергаются значительной десемантизации, сохраняя лишь общий смысл перемещения и нейтрализуя более частные параметры, такие как траектория.

В современном англоязычном дискурсе интероцептивных ощущений отмечаются случаи, когда одно ощущение осмысливается и описывается через другое, обладающее наибольшей качественной определенностью и составляющее часть обязательного перцептивного опыта человека как биологического вида. Эти примеры описаны в **Разделе 6** Главы III. Одной из наиболее распространенных является метафора зубной боли, используемая для описания разнообразно локализованных болевых ощущений: *Today the pain is just a dull throb, like a toothache in my thigh* (L. Brackman). Другим интероцептивным эталоном является ощущение переполненного мочевого пузыря, которое метафорически может обозначать чувство распираания в любой области внутреннего тела: *Johnny's head was swelling blackly, expanding like a bladder* (S. King). В интероцептивном дискурсе представлены также единичные примеры метафорического использования названия болезней или симптомов болезней, которые ассоциируются с невыносимой, нестерпимой внутрителесной болью или угрозой для жизни: *When he saw me walk through the door, he looked like he was passing a kidney stone* (D. Koontz).

Источником метафорической проекции на область интероцепции могут быть и ощущения, локализуемые на поверхности тела и связанные с состоянием кожного покрова: *Pain from the stump has been bad – excruciating from time to time. But I think the deep-seated itch as the healing process begins has been worse* (S. King). В **Разделе 7** описываются динамические процессы, наблюдаемые в интероцептивном словаре в диахронической и синхронической перспективе. Описывая исторические изменения словаря, мы связываем их с действием двух основных факторов: 1) развитием и изменением культурно-обусловленного образа тела (примером является расцвет и упадок гидравлической метафоры, порожденной некогда популярной гуморальной теорией) и 2) изменениями в непосредственной среде обитания человека, связанными с изобретениями и открытиями (открытие электричества и появление электрических метафор ощущений, изобретение железнодорожного транспорта и становление транспортной метафоры и др.). Мы выявляем также роль официального медицинского дискурса в появлении и угасании интероцептивных метафор и рассматриваем случаи сознательного произвольного воздействия на дискурс интероцептивных ощущений, описывая процесс искусственного вброса в дискурс военной метафоры и квалифицируя его как попытку применения

принципов языковой политики к функционированию метафор в рамках определенного типа дискурса.

Изучая синхронические динамики, мы рассматриваем вопрос об индивидуальной вариативности словаря интероцептивных ощущений и определяем факторы, влияющие на его объем и содержание. К их числу мы относим: общие аксиологические установки индивида относительно его тела; наличие специальных **«интероцептивных способностей»** (Э. Эсрок) (способности структурировать внутрителесный опыт, которое заключается в распознавании различных видов интероцептивных ощущений и умении осуществлять их концептуализацию); общие языковые способности, умение работать со словом; общий коммуникативный опыт индивида; его гендерную и профессиональную принадлежность и другие. Мы вводим понятие **«интероцептивный идиолект»**, понимая под ним совокупность средств выражения интероцептивных ощущений в речи определенного индивида. Мы системно рассматриваем интероцептивный идиолект С. Кинга и У. Стайрона, описывая характерные для них средства выражения ощущений и задействуемые когнитивные модели. Мы приходим к выводу, что интероцептивный идиолект характеризуется системностью, устойчивостью и способностью к развитию. Анализ идиолектов опровергает существующее представление о неограниченной свободе в выборе средств выражения при описании субъективного внутрителесного опыта, поскольку он наглядно демонстрирует обусловленность индивидуальной вариативности средств выражения концептуальными рамками определенной лингвокультуры.

В Главе IV **«Роль синтаксиса в вербализации интероцептивных ощущений»** описываются синтаксические конструкции, используемые для описания сферы интероцептивного опыта в современном английском языке.

В Разделе 1 обосновывается информативность синтаксической структуры высказывания и ее способность репрезентировать определенный компонент когнитивного пространства интероцепции.

В Разделе 2 анализируется способность синтаксической структуры высказывания к репрезентации модуса переживания телесности. Под **«модусом переживания телесности»** мы понимаем отношение к собственному телу, которое возникает у перцепиента в той или иной соматической ситуации и выражается в интерпретации соматических событий как происходящих либо с самим перцепиентом, либо с его телом. Мы обращаемся к философской контрверзе «быть телом» и «иметь тело», сформулированной в работах Г.Марселя, У. Джеймса, К. Ясперса, и приходим к выводу, что «Я есть тело» и «У меня есть тело» / «Я имею тело» – это не две жестко противопоставленные и взаимоисключающие жизненные

позиции, а лишь крайние полюсы континуума субъектно-телесных состояний. Такая позиция коррелирует с диалектической трактовкой традиционной дихотомии «тело – телесность» и обеспечивает системность при описании синтаксических конструкций, используемых при вербализации интероцептивного опыта, оставляя место для промежуточных, неявных случаев, не укладывающихся в жесткие рамки модуса «быть» или модуса «иметь».

Модус «**Я есть тело**» репрезентируется в речи конструкциями, позволяющими описывать наличное интероцептивное ощущение как состояние самого субъекта. Синтаксической моделью, наиболее полно отражающей данный модус переживания телесности в английском языке, является *S + be + Adj*. Она используется в речевой практике при описании ряда типологически разных состояний: 1) для описания общего физического тонуса организма: *He said all the adrenaline just drained out of him, and suddenly he was exhausted (C. Reinbold)*; 2) при описании болезни, даже в том случае, если органическое поражение носит локальный характер. Ср.: *John is ill (Br.) / sick (Am.)* при невозможности **John's heart is ill / sick*; 3) для описания локальных ощущений, которые связаны с необходимостью удовлетворения базовых витальных потребностей: *She'd had nothing to eat since morning, and she was ravenous (F. Michaels)*; *She realized she was thirsty and reached into her bag for a bottle of water (C. Garner)*; 4) для описания локальных, органоспецифичных ощущений, которые отрицательно сказываются на жизнедеятельности организма в целом: *I was giddy, my stomach uneasy (J. Williamson)*.

Интероцептивное ощущение может описываться и с помощью синтаксической модели *I feel + Adj*. Глагол *feel* используется для субъективной, эмоционально окрашенной оценки ситуации, позволяет представить ощущение как кажущееся явление и снизить интенсивность его переживания, открывает для человека возможность контролировать свое состояние, в гораздо большей степени приспособлен для обозначения временного, преходящего состояния, тем более что он допускает употребление в формах длительного аспекта: *I was feeling giddy... but not in a good way (S. King)*. Глагол *to be* репрезентирует ощущение как более стабильное, постоянное, в определенном смысле делая его атрибутом субъекта, неотъемлемой частью его существования.

Глагол *feel* позволяет выстроить пусть минимальную, но все же дистанцию, между осмысляющим и оценивающим **Я** и испытываемым ощущением. Дистанцируя **Я** от тела, перцептивная модусная рамка формирует когнитивную готовность к оценке явлений как происходящих не

со мной, а лишь с моим телом, что позволяет нам относить конструкцию с *feel* к интермодусным образованиям, обеспечивающим переход от модуса «Я есть тело» к модусу «У меня есть тело». Ее промежуточный статус подтверждается и тем, что рамка *I feel* позволяет описывать как генерализованное, так и локальное ощущение, которое концептуализируется как событие, происходящее с «моим желудком», «моим сердцем» и т.д.: *Jason felt his own stomach turn over (R. Cook); I felt my heart lift at this amazing sight (D. Koontz)*. Используемый в данных предложениях объектно-инфинитивный комплекс отражает двуфокусность восприятия interoцептивной ситуации: в моем теле нечто происходит, я осознаю это и произвожу квалификацию ощущения. В этой interoцептивной ситуации одинаково важны как само ощущение, так и позиция перцепиента по отношению к нему, поскольку глагол *feel* в силу особенностей своей семантики подчеркивает субъективность в оценке interoцептивной ситуации.

Интересны в этой связи и высказывания, содержащие глагол *to have*. Несмотря на посессивный характер своей семантики, *have* преимущественно используется в тех ситуациях, когда перцепиент описывает ощущение как событие, происходящее с ним, а не с его телом, и непосредственно затрагивающим его Я, а не его физическое тело. Ср.: *I had a sinking sensation deep inside (W. Styron); I had a hot stitch in my left side from the bottom of my ribs to my armpit (S. King)*. Эта возможность, по-видимому, объясняется тем, что *have* является носителем пространственного признака, который является основным компонентом его значения (О.Н. Селиверстова). Пространственность же, как было показано выше (см. раздел 4 Главы II), является основой для осмысления всех событий, происходящих с телесно-физическим Я. В этом смысле *have* является простейшим средством объективации ощущения и его вывода в речь.

При том, что перцепиент приписывает ощущение себе, а не своему телу, он не обнаруживает готовности к отождествлению себя с ним, склоняясь к трактовке «событие во мне», а не «событие со мной». Такое переживание ощущения нельзя назвать экзистенциальным в полном смысле этого слова. Тем самым конструкции с *have* занимают периферийное положение в поле экзистенциального модуса телесности. Кроме того, необходимо учесть способность предиката *have* репрезентировать модус «У меня есть тело» в явном виде. Он выполняет эту функцию в высказываниях типа *He had a queasy stomach (D. Koontz)*, где *stomach* эксплицитно относится к пространству посессивности человека и наделяется определенным свойством (*queasy*).

Модус «У меня есть тело» подразумевает определенный экспериенциальный и концептуальный разрыв между человеком и его телесно-физической природой. Анализ языковых фактов показывает, что модус «У меня есть тело» актуализируется при описании ощущений, которые имеют более или менее четкую локализацию во внутрителесном пространстве. Локальные ощущения описываются как события, происходящие не со мной, а с «моим желудком», «моим сердцем», «моим кишечником» и т.д.: *My stomach coiled with a combination of fear and anticipation (D. Pelzer); Jason felt his own stomach turn over (R. Cook); I ran to him, my heart tripping over fear and hate and remembered horror (P. Cornwell); There was a hot, glassy spear of pain in his left hand (S. King).*

В Разделе 3 анализируется способность синтаксической структуры высказывания отражать субъективный характер переживания интероцептивного опыта. Неуверенность в реальности происходящего не может не отражаться на структуре интероцептивного высказывания, которая в той или иной степени должна отражать «предположительность», «пробность», «неокончателность» предлагаемой формулировки.

Наиболее адекватным средством отражения состояния когнитивной неопределенности являются синтаксические конструкции, репрезентирующие так называемый модус кажимости. Конструируя интероцептивное высказывание через модус кажимости, перципиент решает целый ряд когнитивных и коммуникативных проблем. Во-первых, он в определенной степени экономит когнитивные усилия, отказываясь от четкой и точной квалификации интероцептивного ощущения и оставляя себе пространство для когнитивного маневра. Во-вторых, он обретает свободу в выборе интерпретативного модуса и обеспечивает себе возможность находиться в сфере феноменологического тела, вне привязки к анатомо-физиологической специфике происходящих с ним процессов. В-третьих, эксплицитно «ограничивая свою претензию на истинность высказывания» (Л.М. Ковалева), перципиент снимает с себя ответственность за его содержание, что может быть особенно важно и ценно в ситуации анамнестической беседы. Кроме того, именно модус кажимости предоставляет перципиенту широкие возможности для когнитивного экспериментирования, варьирования или комбинирования различных когнитивных моделей интероцептивного ощущения и, соответственно, для словотворчества: *The tines of a large chrome fork seemed to be planted deep in her flesh (S. King); her heart suddenly seemed to fill up with lead shot (S. King); It felt as if a long, invisible wire was being twirled through his head (S. King).*

Модус кажимости репрезентируется языковыми средствами, в семантике которых содержится интерпретативный компонент, «позволяющий представить мир с точки зрения познающего субъекта» (Т.И. Семенова). В разделе описываются следующие два типа конструкций. Рассматривается субъектный инфинитивный оборот при предикате *seem* (*Levidow's heart seemed to be trying to gallop right out of him, bucking and banging around inside his chest in riotous protest (G. Shapiro)*) и анализируются возможности варьирования позиции Наблюдателя с точки зрения момента включения в восприятие ситуации (индефинитные, длительные и перфектные формы инфинитива). Анализируются конструкции с предикатом *feel* трех типов (*LeRoi felt as if his heart had been ripped out of his chest (G. Johnson); It felt as if twin stilettos had been planted in his flesh at the same instant (S. King); Her stomach felt as though it was going to flip (M. Deppe)*). Рассматривается варьирование фокуса внимания (профилирование перцепиента (*he felt*), ощущения (*it felt*) или точки локализации этого ощущения (*his heart felt*)), а также возможность подчеркнуть субъективный (*he felt*) или «объективный» (*it felt*) характер оценки ситуации.

В Разделе 4 рассматриваются когнитивно-релевантные различия между синтаксическими структурами тождества и сравнения при вербализации interoцептивных ощущений. Мы полагаем, что конструкции тождества (*A is B*) отражают ситуацию выбора готового решения из имеющегося арсенала когнитивных средств, и оптимально приспособлены для вербализации ранее испытанного, знакомого ощущения (*I smiled in an effort to be more gracious, to hide the hurt and jealousy that were a splinter in my heart (P. Cornwell)*). Конструкции сравнения (*A is like B; A feels as if it were B, etc.*) отражают процесс поиска оптимального способа интерпретации interoцептивного ощущения (*Suddenly the Library was like an aggravating, infuriating splinter jammed deep in one buttock (S. King)*). Их употребление в речи свидетельствует о том, что в сознании перцепиента происходит формирование когнитивной гипотезы, которая позволила бы ему осмыслить новое, непривычное ощущение.

Конструкции, использующие сравнение, рассматриваются в настоящей работе как репрезентанты концептуальной метафоры. По мере того, как вновь созданный образ укореняется в сознании перцепиента, возрастает вероятность упрощения синтаксической структуры высказывания и ее преобразования из структуры сравнения в классическую структуру метафоры (*A is like B – A is B*). Основное преимущество сравнения перед метафорой заключается в том, что она позволяет перцепиенту описать свое ощущение с гораздо большей степенью детализации, задействуя более широкий спектр

потенциальных сходств (Д. Гентнер). Ср.: *His head was starting to buzz gently now (S. King) vs That single thin note in my head was like tires speeding down a pavement (K. Kesey).*

Синтаксическая структура высказывания способна репрезентировать и такое феноменологическое свойство interoцептивных ощущений, как неконтролируемость. Это особенно актуально для конструкций, где название органа, в котором локализуется ощущение, занимает позицию подлежащего, и вся ситуация описывается как совершаемые органом действия при дефокусировании перцепиента: *His stomach roiled with the sick-sweet smell of burned meat (S. King).*

В Разделе 5 анализируется способность синтаксической конструкции репрезентировать когнитивную модель внутреннего тела и interoцептивного ощущения. Эта функция наименее очевидна при репрезентации моделей соотносительного типа и более или менее отчетливо прослеживается лишь при реализации модели «тело – компаньон» (в том числе, и ее модификации «тело – антагонист»). Партнерские отношения между человеком и его телом предполагают одинаковый статус тех синтаксических элементов, которые репрезентируют эти сущности. Такого рода отношения могут быть представлены синтаксическими структурами с сочинительной связью, где человек и его тело являются равноправными субъектами: *My body and I aren't speaking at the present time. We aren't on speaking terms. I don't trust my body (C. Fisher).* Наиболее важную роль синтаксическая конструкция играет при репрезентации каузативной модели. Варьирование предикатов в составе каузативной конструкции позволяет представить interoцептивное событие как простую цепочку причинно-следственных связей (*A shift in position caused the stump to come brightly alive (S. King)*), а также сфокусироваться на роли каузатора и его ответственности за возникновение interoцептивной ситуации (*I ran on the treadmill, got my heart racing, my blood gushing like torrents of tears through untold vascular spaces (S. Nadler)*); оценить характер оказываемого воздействия (*he said something which made her heart feel like a hot ball of lead (W. Styron)*), дать общую оценку interoцептивной ситуации в терминах желательности-нежелательности (*The sound made her bowels feel loose and hot and liquid (S. King)*).

В **Заключении** отражены выводы, сделанные в ходе исследования.

Мы указываем на те преимущества, которые дает теория воплощенного значения при анализе «невидимых миров» внутренней жизни человека [Арутюнова 1990]. Во-первых, она доказывает правомерность экстраполяции внешнетелесного опыта на внутрителесный и обосновывает неизбежность метафоризации при ословливания феноменов внутрителесной реальности.

Во-вторых, она позволяет объяснить близость собственно соматического и эмоционального и снять искусственную фрагментацию телесного опыта на физиологическую и аффективную составляющую. В-третьих, теория воплощенного значения вводит в процесс смыслообразования фактор культурно обусловленного межличностного взаимодействия, объясняя тем самым, почему сугубо субъективный внутрителесный опыт вербализуется посредством вполне определенного для каждой лингвокультуры арсенала языковых средств. Не отрицая биологической природы тела, теория воплощенного значения вписывает его в культурно-исторический контекст, задавая тем самым определенный формат исследования телесных феноменов. Объектом лингвистического исследования является не тело вообще, а *тело как поле культурных проекций*, существующее в определенном социуме и в определенную историческую эпоху. Созданию общей лингвистической теории того или иного телесного явления должен непременно предшествовать максимально полный анализ одной конкретной лингвокультуры.

Анализ языковых фактов позволяет получить доступ к концептуальным структурам, в которых фиксируются результаты interoцептивного опыта. Изучив принципы когнитивного моделирования interoцептивных ощущений, исследователь получает возможность собрать воедино разрозненные языковые факты и доказать регулярность используемых способов вербализации, а следовательно, и наличие специального набора лексических и синтаксических средств, позволяющих выводить interoцептивный опыт в дискурс.

Проведенный нами анализ показал, что interoцептивный опыт фиксируется в определенных когнитивных структурах (преимущественно моделях и образах), составляющих в совокупности когнитивное пространство interoцепции. Наличие множества когнитивных структур разных типов объясняется феноменологической спецификой interoцептивных ощущений, не допускающих одной-единственной, «правильной», «канонической» трактовки и позволяющих интерпретировать их множеством альтернативных, одинаково валидных способов. Эти интерпретации возникают как на основе непосредственного телесного опыта и здравого смысла, так и в результате усвоения элементов научного знания, «распыленных в массовой культуре» [Баксанский 2009].

Проведенный анализ показал, что в современном английском языке словарь interoцептивных ощущений представляет собой объемное и системное образование. Его системность обеспечивается устойчивостью когнитивного пространства interoцепции в рамках англоязычной культуры

и регулярностью используемых метафорических переносов. Эта устойчивость и регулярность накладывают определенные ограничения на индивидуальное словотворчество и направляют лингвокогнитивный поиск экспериенцера в строго определенное русло, предоставляя ему возможность варьировать лишь лексические репрезентанты метафоры, не выходя за рамки общего интероцептивного концептуария англоязычной культуры. Распространенное в психологии мнение о неограниченной свободе индивида в выражении его интероцептивных ощущений не соответствует действительности, а выдвинутую во введении гипотезу о культурно-исторической и концептуальной обусловленности индивидуальных способов словесного выражения ощущений можно считать доказанной.

Несмотря на то, что исследование ограничено рамками современного английского языка, разработанная в диссертации теория лингвистического изучения интероцепции (в том числе поставленные в ее рамках проблемы, обозначенные способы их решения и предложенные схемы анализа) может направить исследовательский поиск и при изучении сферы интероцепции в других лингвокультурах. Данное исследование является первым в лингвистике опытом изучения интероцептивных феноменов. Перспективу дальнейшего исследования могут составить: сравнительно-сопоставительное изучение способов вербализации интероцептивного опыта в разносистемных языках и культурах разных типов, лексикографическое описание интероцептивного словаря, выявление адекватных способов перевода культурно-специфичной интероцептивной лексики, диахроническое исследование с целью выявления внутренней динамики развития словаря и синтаксиса интероцептивных ощущений, изучение устных форм интероцептивного дискурса и многое другое.

Содержание диссертации отражено в **34 публикациях** общим объемом **64,2** печатных листа.

Монография

1. Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: Вербалика внутрителесных ощущений. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 320 с.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК

2. Нагорная А.В. Теория воплощенного значения как методологическая база лингвистических исследований // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2010. – № 5 (Том 1). – С. 158-171.

3. Нагорная А.В. Схема и образ тела как релевантные объекты лингвистического описания // Вестник ЧелГУ. Серия: «Филология. Искусствоведение». Вып. 48. – 2010. – № 32 (213). – С. 97-104.
4. Нагорная А.В. Метафоры тела и их роль в концептуализации болезни // Вестник ЧелГУ. Серия: «Филология. Искусствоведение». Вып. 56. – 2011. – № 20 (235). – С.112-117.
5. Нагорная А.В. Вербализация интероцептивных ощущений: синтаксический уровень // Теория и практика общественного развития: Научный журнал. – 2011. – № 5. – С. 291-295.
6. Нагорная А.В. Концептуализация интероцептивных ощущений: этап первичной категоризации // European Social Science Journal. – 2011. – № 6. – С. 20-26.
7. Нагорная А.В. Способы концептуализации интероцептивных ощущений и эмоций в современном английском языке: опыт сравнительного анализа // European Social Science Journal. – 2011. – № 8. – С. 116-125.
8. Нагорная А.В. Сфера внутренней телесности как объект лингвистического анализа // Вестник ЛГУ. Серия: «Филология». – 2011. Т. 7. – № 4. – С. 73-84.
9. Нагорная А.В. Стратегии и тактики вербальной репрезентации интероцептивного ощущения в современном английском языке // Вестник ЧелГУ. Серия: «Филология. Искусствоведение». Вып. 69. – 2012. – № 23 (277). – С. 82-87.
10. Нагорная А.В. Орудийная метафора как средство объективации внутрителесного опыта // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 2 (Том 7). – С. 84-97.
11. Нагорная А.В. Индивидуально-идиолектальная вариативность словаря внутрителесных ощущений (на материале произведений С. Кинга) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 3 (21). Ч. II. – С. 138-144.
12. Нагорная А.В. Метафтонимия в сфере концептуализации эмоций в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 11 (29) 2013. – Часть II. – С. 128-134.
13. Нагорная А.В. Смешанная метафора как средство вербализации интероцептивного опыта // Вестник ОГУ. Серия: «Новые гуманитарные исследования». – 2013. – № 5 (34). – С. 146-152.
14. Нагорная А.В. Мифопоэтический характер дискурса внутреннего тела // European Social Science Journal. – 2013. – № 12 (39). – Т.2. – С. 20-28.
15. Нагорная А.В. Методологические основы лингвистического изучения интероцепции // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск, 2014. - № 1. – С. 319-330.

Прочие публикации

16. Нагорная А.В. Концептуализация interoцептивных ощущений: к постановке проблемы // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: материалы межд. науч.-практ. конф. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2010. – С. 21-27.
17. Нагорная А.В. Становление соматической парадигмы в современной науке // Общественные науки: Всероссийский научный журнал. – 2011. - № 2. – С. 92-98.
18. Нагорная А.В. К вопросу о гендерной специфике в восприятии и вербализации телесных феноменов // Гуманитарные науки в XXI веке: Материалы III межд. науч.-практич. конф. – М.: Изд-во «Спутник +», 2011. – С. 293-300.
19. Нагорная А.В. Формирование фобического фокуса как необходимое условие развития метафоричности болезни // Новое в современной филологии: Материалы II межд. науч.-практич. конф. – М.: Изд-во «Спутник+», 2011. – С. 59-69.
20. Нагорная А.В. Лингвистика interoцептивных ощущений в трансдисциплинарном контексте // Вестник гуманитарного научного образования: Научно-практич. журнал. – 2011. - № 6. – С. 18-21.
21. Нагорная А.В. Лингвистически релевантные аспекты современных философских концепций тела // Наука в современном мире: Материалы VIII межд. науч.-практ. конф.: Сб. науч. трудов. – М.: Изд-во «Перо», 2011. – С. 306-317.
22. Нагорная А.В. Общие принципы ментального моделирования сферы внутренней телесности // Наука и искусство: Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы межд. науч.-практич. конф. Часть II. – Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2011. – С. 10-17.
23. Нагорная А.В. «Интероцептивный дискурс» как продукт социокультурной медиации субъективного телесного опыта // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы VI межд. науч.-практ. конф. Часть I. – М.: Изд. «Международный центр науки и образования», 2012. – С. 91-97.
24. Нагорная А.В. Движение как основа метафорических проекций на область внутрителесных ощущений // Филология, искусствоведение и культурология: актуальные проблемы: материалы межд. науч.-практ. конф. – Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. – С. 76-86.

25. Нагорная А.В. Зоо- и антропоморфизация боли в современных англоязычных дискурсах о теле // *Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования: Сборник материалов VII межд. науч.-практ. конф.* – Краснодар, 2012. – С. 33-39.
26. Nagornaya A. Discourse of the inexplicable: Verbal representation of interoceptive sensations // *International Journal of Arts and Sciences.* – 2013. – Vol. 6, Number 1. – P. 171-185.
27. Nagornaya A. Stephen King's Body Worlds: Language conventions and creativity in depicting the Inner Body // *Athens: ATINER's Conference Paper Series, No LNG2013-0576.* – Режим доступа: <http://www.atiner.gr/papers/LNG2013-0576.pdf>.
28. Nagornaya A. Metaphor and the Inner Body: The story of a glorious conquest // *The Stockholm 2013 Metaphor Festival. Abstracts. Department of English.* – Stockholm University, 2013. – P. 56-57.
29. Нагорная А.В. Голос внутреннего тела в английской и русской лингвокультуре // *Русистика и компаративистика. Сборник науч. статей.* – Вильнюс-Москва: Edukologija, 2013. – Вып. VIII. – С. 169-181.
30. Nagornaya A. Mythopoesis of the Inner Body in Contemporary Western Culture // *Humanities and Social Sciences Review.* – 2013. – Vol.02, Number 03. – P. 563-574.
31. Nagornaya A. What's in a body? (The male and female perspective) // *Humanities and Social Sciences Review.* – 2014. - Vol. 3. – Number 01. – P. 59-66.
32. Nagornaya A. Hungry spears, awakened bandsaws and gripping waves: Mixed metaphors in interoceptive discourse // *5th UK Cognitive linguistics conference. Book of abstracts.* – Lancaster University, 2014. – P. 68. – Режим доступа: <http://www.lancaster.ac.uk/fass/events/uk-clc5/docs/BookofAbstracts.pdf>.
33. Nagornaya A. Communicating bodily experiences across languages and cultures // *Nordic Intercultural Communication Conference 2014: Language, Culture and Communication.* – Reykjavik: University of Iceland, 2014. – Режим доступа: <http://conference.hi.is/nic-2014/files/2014/11/Abstracts-NIC-10-November.pdf>.
34. Нагорная А.В. Передача interoцептивного опыта как переводческая проблема // *Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера.* – М.: Буки Веди, 2015. – С. 176-185.